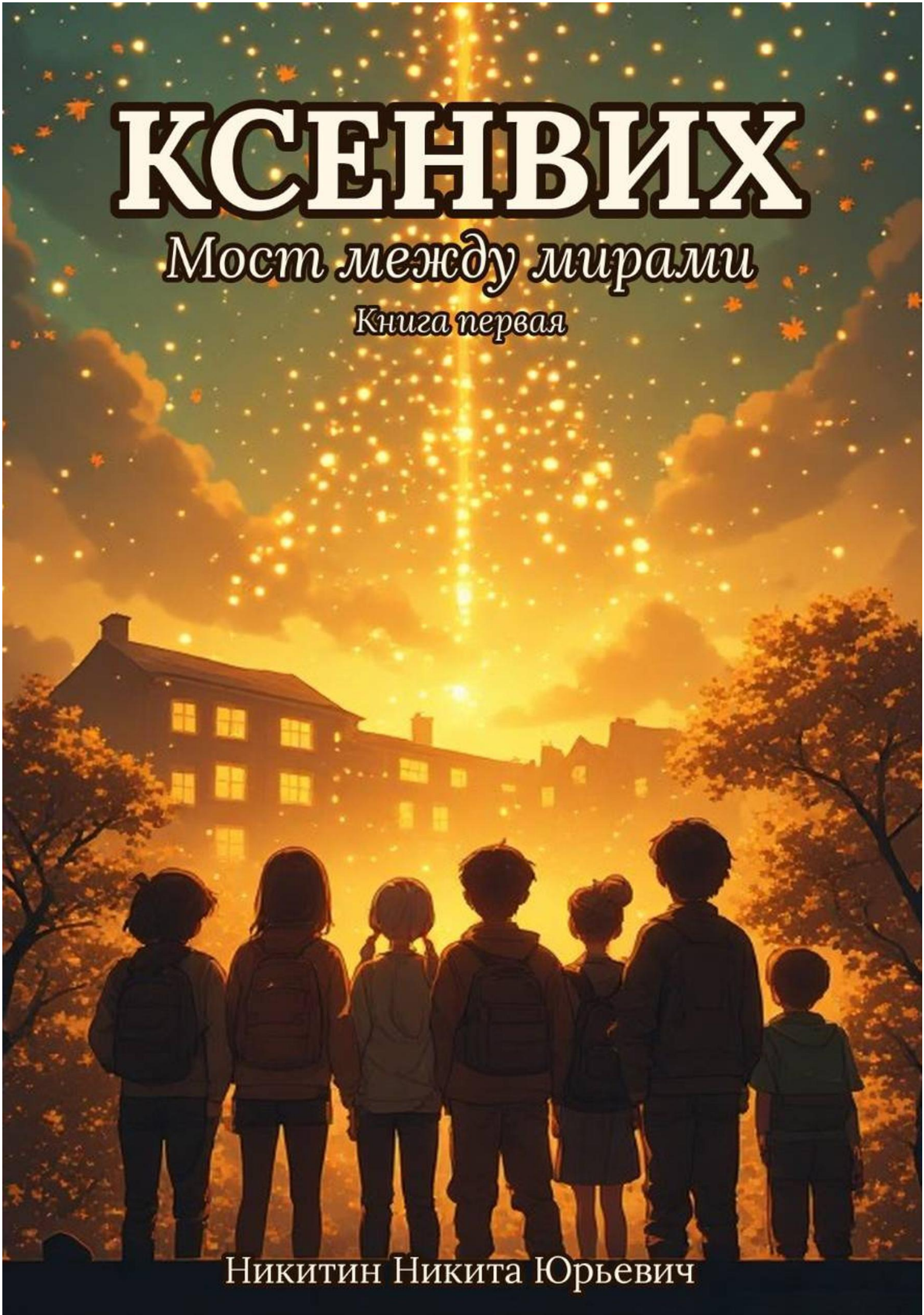

КСЕНВИХ
Мост между мирами
Книга первая
Никитин Никита Юрьевич

Никита Никитин

Ксенвих. Мост между мирами

«Автор»
2026

Никитин Н. Ю.

Ксенвих. Мост между мирами / Н. Ю. Никитин — «Автор», 2026

В школе Ксенвих не бьют стёкол и не кричат. Здесь исчезают тихо.Сначала была резня в соседнем филиале. Потом бессонница и часы, которые были слышны по ночам. Потом за молчаливой девочкой с первого этажа начинает кто-то следить, а лучший друг Коли приходит домой с перевязанной рукой и чужими глазами.А у Коли есть Мост: машина из сна, которая выпускает сознание из тела. Шагнуть сквозь стену. Пройти туда, куда не пускают. Увидеть то, что прячут под масками.Вопрос только в том, что страшнее: то, что ждёт по ту сторону Моста, или то, что уже стоит по эту.Первая книга.

© Никитин Н. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночное озарение 6
Глава 2. Сломанный транзистор 10
Глава 3. Границы познания 14
Глава 4. Контрабанда 19
Глава 5. Сделка 22
Глава 6. Отец 26
Глава 7. Беллатрис 29
Глава 8. Ревность 32
Глава 9. Ингреквих 35
Глава 10. Теплица 38
Глава 11. Ряд Фибоначчи 41
Глава 12. Нож под подушкой 43
Глава 13. Монастырь святого Николая 47
Глава 14. Дядя Леша 51
Глава 15. Союзники 53
Глава 16. Чёрный рынок 56
Глава 17. Директор 60
Глава 18. Лаборатория №4 62
Глава 19. Медицинский корпус 66
Глава 20. Шантаж 70
Глава 21. Поездка к О’Нэлли 73
Глава 22. Новенькая 75
Глава 23. Звонок 79
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Никита Никитин
Ксенвих. Мост между мирами

Никитин Никита Юрьевич
Ксенвих
Мост между мирами
Книга первая
Научная фантастика с элементами детектива и романтики

Глава 1. Ночное озарение

Коля проснулся в 3:17.

Он знал время, не глядя на часы. В последние недели он просыпался так каждую ночь, в одну и ту же минуту, будто внутри кто-то поставил будильник и забыл выключить. Сначала это пугало. Потом он привык и стал ждать этого пробуждения, как ждут поезда на пустой платформе: всё равно придёт, можно не смотреть на расписание.

Сон не отпускал. Он цеплялся за Колю липкими краями, и первые секунды Коля не понимал, где он: в своей комнате на первом этаже старого общежития или ещё там, на мосту. За окном хлестал дождь, мелкий и злой, какой бывает только поздней осенью. По стеклу ползли косые струи, и свет далёкого фонаря дробился в них на сотни дрожащих игл. Сердце колотилось так, что отдавало в уши.

Он сел. Простыня была влажной от пота. В комнате стоял тот особый ночной холод, который пробирается под одеяло к утру, когда отопление в Ксенвихе окончательно сдаётся. Коля посмотрел в зеркало напротив кровати. Оттуда на него глянул худой мальчишка с тёмно-русыми вихрами и серыми глазами, под которыми залегли тени. Обычный он. Только на секунду Коле показалось, что отражение моргнуло чуть раньше, чем он сам.

Он потёр лицо ладонями, сильно, до красных пятен под веками.

Мост. Он помнил его до мелочей, ярче, чем помнил вчерашний день. Огромный, из света, на который больно смотреть. Он уходил в небо и терялся где-то за облаками, а по бокам, сколько хватало взгляда, тянулись окна: тысячи окон, и в каждом был другой мир. В одном шёл снег. В другом горело два солнца. В третьем кто-то, похожий на самого Колю, сидел за столом и поднимал голову, будто чувствуя чужой взгляд. И голос. Женский, тонкий, как проведённый по краю стекла: «Ты можешь пройти. Но тело останется здесь».

А ещё была формула.

Она горела у Коли под веками, будто её туда выжгли калёным железом. Он никогда её не видел наяву, ни в одном учебнике, ни на одной доске, но знал наизусть, так знают то, что всегда было твоим. Она объясняла всё, спокойно и без остатка, как хорошая теорема: как вынуть сознание из тела, как протянуть его наружу, как пройти сквозь стену мира и не разбиться.

Коля нащупал на тумбочке блокнот. Чёрный, кожаный, потёртый по углам до светлой кожи. Отцовский, почти единственное, что от отца осталось. Коля раскрыл его на чистой странице, нашёл в темноте карандаш и начал писать, быстро, кривыми прыгающими буквами, боясь, что формула утечёт, как вода сквозь пальцы, если он промедлит хоть секунду.

Спирали. Знаки. Кольцо. Три генератора.

«Мост — это не вещь, — написал он на полях, там, где отцовской рукой было выведено что-то давно выцветшее. — Это частота. Ключ».

Рука дрожала. Он дописал последний символ, поставил точку и выдохнул так, будто всё это время не дышал.

И вдруг понял: это не сон. Сны забываются, расплываются, оставляют после себя только настроение. А это лежало в голове целым, собранным, готовым к работе: оставалось только нажать. Так не придумывают. Так вспоминают.

«Кто-то вложил это мне в голову», — подумал Коля, и от этой мысли по спине пополз холод, не имеющий никакого отношения к ночной сырости.

Он посмотрел на тёмное окно, на дрожащие иглы фонаря, на своё бледное отражение поверх них.

«Надо кому-то показать, — решил он. — Пока я сам не поверил, что сошёл с ума».

Он спустил ноги на холодный пол, нашарил рубашку, брошенную с вечера на стул, и натянул её, не замечая, что надел наизнанку, швами наружу. Шакал на столе, красная деревян-

ная фигурка, смотрел ему вслед узкими глазами. Коля сунул блокнот под мышку и выскользнул в коридор.

* * *

Библиотека Ксенвиха ночью пахла пылью, старой бумагой и клеем, которым когда-то подклеивали корешки.

Днём здесь было светло и шумно, а сейчас между высокими стеллажами стояла тёмная тишина, и только в дальнем углу горела одна зелёная лампа, тёплое пятно в холодном сумраке. Коля шёл на этот свет, ступая по истёртому паркету, который кое-где отзывался знакомым скрипом, и уже знал, кого найдёт. Так было всегда, сколько он себя помнил: если ему не спалось, Эмме тоже. Будто между ними протянули ту самую невидимую нить, о которой он только что исписал целую страницу.

Она сидела на подоконнике, поджав под себя ноги, с кружкой чая, от которой поднимался тонкий парок. В каштановых волосах с медным отливом торчал карандаш, забытый там, видимо, уже давно. На ней был его старый свитер. Она забрала его два месяца назад под предлогом «холодно» и так и не вернула, и теперь свитер пах не Колей, а ею, чем-то цветочным и тёплым. На запястье у неё, когда она двигалась, тихо звенели браслеты из перегоревших микросхем. Эмма говорила, что носит их нарочно: чтобы помнить, что ошибки тоже опыт, и что сгоревшая деталь не исчезает, а становится украшением, если правильно к ней отнестись.

— Опять твои измерения? — спросила она, не поднимая глаз от журнала.

Журнал был из запретной секции, тех двенадцати шкафов со сложными книгами, которые директор держал под замком и выдавал только по особому разрешению. С обратной стороны, со стороны стены, в фанерной задней стенке одного из шкафов была аккуратная дырка, о которой знали всего несколько человек во всей школе. Они её и проделали, год назад, маленьким лобзиком, по очереди, за три ночи.

— Прочти, — сказал Коля. — И скажи, что я спятил.

Он положил блокнот перед ней, прямо на журнал.

Эмма вздохнула тем особенным вздохом, которым встречала все его ночные затеи, отставила кружку на подоконник и пробежала глазами страницу. Усмешка на её губах медленно сползла, как сползает краска с мокрой стены.

— Это… — она запнулась, провела пальцем по строчке. — Теоретически возможно. Если считать, что сознание — не мозг. Что оно отдельное. Как волна.

— Именно! — Коля подался вперёд так резко, что чуть не сбил её кружку. — Его можно вынести наружу. Как радиоволну. Ты её не видишь, а она есть. Она летит сквозь стены, сквозь людей, через весь город.

— Стоп. — Эмма щёлкнула его по лбу, как щёлкала всегда, когда он слишком разгонялся. — Ты хочешь отключить разум от тела.

— Не отключить. Протянуть. — Он развёл руками, будто показывая ей два далёких берега. — Как мост.

Она перевернула страницу и замерла. На полях была схема, которую он набросал по памяти: кольцо, катушки, провода, шлем с датчиками, похожий на корону из иголок.

— То есть ты собрался стать привидением, — сказала Эмма.

Голос у неё был ровный, почти скучающий. А пальцы вцепились в край страницы так, что бумага затрещала.

Коля наклонился ближе. В зелёном свете лампы её лицо казалось незнакомым и очень взрослым.

— Ты когда-нибудь чувствовала, — тихо спросил он, — что мир ненастоящий? Что он как декорация, и за ним есть что-то ещё?

Эмма не ответила сразу. Она смотрела в окно, где по стеклу ползли дождевые иглы. Но Коля знал: чувствовала. Он помнил, как однажды в лагере, тем самым летом, она проснулась

среди ночи, села на кровати и долго смотрела в темноту с тем же самым лицом, что у него сейчас. Он тогда спросил, что случилось. Она сказала: «Ничего. Просто показалось, что я тут ненадолго».

— Да, — сказала она наконец, очень тихо. — Но это не значит, что туда надо лезть, Коля.

Где-то в глубине библиотеки скрипнула полка.

Оба обернулись разом. Между стеллажами стояла темнота, плотная и неподвижная. Никого. Коля всмотрелся, и ему на миг почудилось, что темнота всматривается в ответ.

— Сквозняк, — сказала Эмма, но спрыгнула с подоконника.

Она захлопнула блокнот, сунула ему в руки, и только тут, вблизи, заметила рубашку.

— Ты как попугай, честное слово. Увидел блестящее — и головой вперёд. — Она дёрнула его за рукав. — Стой, дурак. Ты наизнанку оделся.

— Да какая разница.

— С тобой никогда «и так сойдёт».

Она втянула его в проход между стеллажами, туда, где их не было видно от двери, стянула с него рубашку через голову, вывернула одним ловким движением и натянула обратно. Пальцы на секунду задели его шею, холодные от кружки, и Коля почувствовал, как к щекам приливает кровь, глупо и горячо. Он был рад, что в проходе темно.

— Вот, — пробормотала она, расправляя ему воротник. В полумраке её янтарные глаза казались очень большими и очень близкими. Губы дрогнули, будто она хотела что-то сказать и не решалась.

Где-то далеко, в другом конце библиотеки, с глухим шлепком упала книга. Сама собой.

Эмма отвернулась первой.

* * *

Они сели за дальний стол, тот, что стоял в самом углу, спиной к окну. На нём уже дымились две кружки ромашкового чая. Эмма всегда заваривала на двоих, даже когда злилась, даже когда клялась, что больше не будет его ждать.

— Допустим, ты прав, — сказала она, размешивая сахар и глядя, как крутится в кружке маленький водоворот. — Допустим, мост работает. Как ты найдёшь нужный мир? Их же бесконечность. Это иголка в стоге сена размером со вселенную.

Коля обхватил кружку ладонями, грея озябшие пальцы, и ткнул подбородком в блокнот, в узел проводов на схеме.

— Якорь. Разум сам идёт к тому, что знает. Или к тому, чего сильнее всего хочет.

— А гарантии, что это безопасно? — Она посмотрела на него поверх кружки. — Мы это уже проходили. В седьмом классе. С этиленом. Тебе брови потом месяц отрастали.

— Одному мне не справиться, — сказал Коля вместо ответа. — Нужна команда.

Эмма молчала. За окном шумел дождь. Потом она достала телефон, разблокировала, открыла пустую заметку.

— Ладно. Кто?

— Андрей. Аппаратура. И молчать умеет.

— Особенно когда пьян, — хмыкнула она, но записала.

— Яков. Расчёты. Лучший математик в школе.

— Который тебя терпеть не может.

— Пока не увидит формулу. — Коля пожал плечами. — Он такой же, как я. Не устоит.

Эмма дописала, помедлила, и подняла глаза.

— А четвёртый?

— Беллатрис Моро.

Лицо Эммы захлопнулось, как книга, которую выхватили из рук.

— Нет. Кто угодно, только не она.

— Она лучший материаловед в Ксенвихе. Сплавы, графен, кварц. Без неё мост не заработает, Эм. Я считал.

— Она назвала тебя шизофреником с паяльником. При всех. В столовой.

— Она прямолинейная. — Коля чуть улыбнулся. — Покажем ей схему — согласится. Это её стихия, она не устоит, как и Яков.

Эмма закрыла телефон и посмотрела на него долгим взглядом, будто взвешивала на невидимых весах: его, схему, всю эту затею и что-то ещё, о чём не говорила вслух.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Андрей — аппаратура, Белла — материалы, Яков — расчёты. А я?

— А ты проследишь, чтобы я не взорвал всё к чертям?

— Нет. — Эмма встала, одёрнула свитер. В янтарных глазах мелькнуло что-то острое и тёплое одновременно. — Я сделаю так, чтобы это вообще заработало. Но если из-за тебя кому-то будет плохо — пеняй на себя. Я серьёзно, Коля.

— Обещаю. Всё будет под контролем.

Она хмыкнула, будто не поверила ни единому слову. И, как показало время, была совершенно права.

За окном по-прежнему шёл дождь. Коля допил остывший чай, сунул блокнот под мышку и пошёл к двери, чувствуя себя так, будто за одну ночь стал на год старше. А в глубине библиотеки, между высокими стеллажами, в той самой темноте, что всматривалась в ответ, снова шевельнулась тень и растаяла, беззвучно, прежде чем кто-то успел её заметить.

Глава 2. Сломанный транзистор

В комнате пахло камфорой.

Коля замер на пороге, не переступая его, как замирают на краю чего-то. Этот запах он знал: горький, холодный, аптечный, от которого чуть щиплет в носу. Так пахло от Философа, Игоря Валерьевича, когда тот наклонялся над партой, проверяя задание. Больше в школе камфорой не пользовался никто. Это был чужой запах в его комнате, и он висел в воздухе так плотно, будто его оставили нарочно.

Коля закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной.

Взгляд сразу упал на стол. Красная деревянная фигурка шакала, подарок Эммы, привезённый ею откуда-то с юга, лежала не на месте. На ладонь левее, чем он её всегда клал. Мелочь, которую никто другой не заметил бы. Но Коля всегда ставил шакала строго по краю стола, мордой на восток, к окну, не из суеверия, а потому что в приоткрытой пасти шакала пряталась важная вещь, и Коля привык проверять её одним взглядом, не трогая.

Он присел на корточки. У ножки кровати, на полу, блестела маленькая капля воска. Коля коснулся её кончиком пальца. Ещё тёплая.

«Кто-то был здесь минуту назад», — подумал он, и сердце застучало ровно и тяжело.

Он проверил всё, как учил отец: медленно, по порядку, не поддаваясь желанию перерыть комнату сразу. Решётка вентиляции под потолком в ровном слое пыли, нетронута. Розетки за кроватью: чисто, винты на своих местах. А вот волос, который он каждое утро приклеивал слюной поперёк щели выдвижного ящика стола, порван. Две половинки свисали по разные стороны.

«Значит, не паранойя».

Кто-то рылся в его вещах. Коля сел на кровать и попытался думать холодно, как над задачей. Но задача не складывалась. Как они узнали? Сон приснился всего час назад. Формула пришла внезапно, ночью, из ниоткуда. Он никому не успел сказать ни слова, кроме Эммы, в библиотеке, десять минут назад. А здесь кто-то побывал раньше. Выходило, что искали не формулу. Искали что-то другое. Или просто смотрели.

Он достал из пасти шакала то, что там лежало. Маленький транзистор. Сломанный: одна ножка отломана у самого основания и криво, наспех, припаяна к другой, так, что нарушалась вся логика детали, и ток, если его пустить, пошёл бы не туда. И всё-таки цепь замыкалась. Как-то, вопреки всему, замыкалась. На чёрном корпусе белой краской, мелким аккуратным почерком Эммы, было выведено: «Починишь — поймёшь женщин».

Коля покатал транзистор в пальцах. И, как всегда, вместо того чтобы думать о камфоре, воске и порванном волосе, провалился в два воспоминания, которые ходили за ним по пятам, как две бездомные собаки.

Первое: лагерь. Ему двенадцать. Эмма тогда ещё была рыжей, в веснушках, рассыпанных по носу, как золотая крошка. Она прислала к нему свою подругу, тоненькую, заикающуюся девочку, которая мялась и смотрела в землю. «Эмма сказала… ты ей нравишься. Очень».

Он не понял. Просто пожал плечами, развернулся и ушёл играть в вышибалы, не из вредности, не из гордости, а потому что двенадцатилетним умом не сообразил, что это всерьёз, что за этими словами кто-то стоит и ждёт. А наутро Эмма подбежала к нему, красная, вся в слезах, и швырнула под ноги стеклянную лошадку. Свою любимую, которую возила с собой повсюду. Хрупкую, прозрачную, с тонкими ногами.

«Теперь ты никогда не починишь нас!» — крикнула она и убежала.

Лошадка разбилась о камень на три части. Он собрал осколки и долго носил в кармане, а потом потерял. И тогда тоже ничего не понял.

Второе воспоминание: зимний бал, всего год назад. Коля ненавидел такие вечера: духоту, музыку, обязанность улыбаться. Но пришёл из-за неё. Весь вечер стоял у колонны и не решался подойти, глядя, как Эмма смеётся в кругу незнакомых старшеклассников. В конце концов, как последний трус, попросил Андрея передать записку.

Эмма прочитала и грустно усмехнулась. Он разобрал по губам, через весь зал: «Опять через кого-то?»

Тогда он всё-таки подошёл. Пригласил на танец. Неуклюже топтался, чуть не наступая ей на ноги, считая про себя такты, чтобы не сбиться, и наконец набрал воздуха, чтобы сказать всё, что носил в себе целый год. Но Эмма остановилась первой, посреди фразы, посреди такта. Молча взяла его руку и вложила в ладонь этот транзистор, тёплый от её пальцев.

«На. Держи».

И ушла. Быстро, почти бегом, сжав кулаки, а Коля один во всём зале знал, что кулаки она сжимает только тогда, когда ей по-настоящему больно. У дверей она обернулась на секунду. Он не успел поймать её взгляд, замешкался, и двери закрылись.

Наутро пришло сообщение: «Вчера была идиоткой. Давай забудем. Всё как прежде».

И всё стало как прежде. Почти.

Коля лежал теперь в темноте и смотрел на кривую ножку транзистора, едва различимую в сером свете.

«Как с лошадкой, — думал он. — Разбитое можно склеить. Но стекло уже не будет таким прозрачным. И все будут видеть трещину».

Он размахнулся и отшвырнул транзистор в угол. Тот стукнулся о стену и упал куда-то за тумбочку. Коля полежал минуту, глядя в потолок. Потом встал, на ощупь нашёл его в пыльном полумраке, сжал в кулаке и прижал к груди, сам не зная зачем.

— Прости, — пробормотал он непонятно кому — транзистору, лошадке, Эмме, себе двенадцатилетнему.

И положил обратно, в пасть шакала, мордой на восток.

За окном посерело. Дождь кончился. Приближалось утро, холодное и мокрое. А на столе, рядом с шакалом, всё так же лежал чёрный отцовский блокнот с формулой, которую Коля не придумывал. И запах камфоры всё ещё висел в воздухе, не желая уходить.

* * *

Утром над башней Ксенвиха ударил старый медный колокол. Семь раз, ровно столько, сколько фундаментальных законов физики, как любили повторять учителя, хотя никто из учеников не мог припомнить, какие именно семь имеются в виду, и каждый насчитывал свои.

Коля так и не уснул. Он умылся ледяной водой, натянул старую кожаную куртку поверх вчерашней рубашки и вышел в коридор, где его уже ждал Андрей, коренастый, вечно растрёпанный, с татуировкой печатной платы на предплечье, которую он сделал сам, иголкой и тушью, и о которой жалел ровно до тех пор, пока ею не начинали восхищаться. Андрей крутил в пальцах микросхему, подбрасывал и ловил, как монетку.

— Бессонная ночь, Коль? — ухмыльнулся он, оглядев помятый вид друга. — Или завёл девушку и забыл про свою Эмму? Я, кстати, слышал ночью какие-то шорохи. Ходил кто-то.

— Тебе показалось.

— Мне никогда не показывается. У меня слух, как у летучей мыши.

Коля что-то буркнул и пошёл вперёд. Говорить про воск и камфору не хотелось: не здесь, не в коридоре, где каждое слово гуляло эхом.

Они спустились в сад. После дождя всё блестело, тяжёлые капли срывались с голых веток, и пахло мокрой землёй, прелыми листьями и поздними яблоками, которые никто не собирал и которые гнили прямо в траве, сладко и винно. Андрей шёл рядом, насвистывая что-то бодрое и совершенно немелодичное.

— Ну давай, выкладывай, — сказал он наконец, пиная носком ботинка каштан. — Ты сам не свой с самого утра. Опять что-то изобрёл и боишься, что украдут?

Коля остановился под старым клёном, с которого капало.

— Сегодня важный день.

Андрей замер на полшаге, потом медленно расплылся в улыбке, той самой, широкой и опасной, от которой у учителей начинало дёргаться веко.

— Наконец-то! — Он хлопнул Колю по плечу так, что тот качнулся. — Я уж думал, ты так и будешь до старости сидеть в комнате и мечтать о параллельных мирах на бумажке. Ну всё. Если что-то пойдёт не так — зови. Я знаю, что делать.

— Что именно?

Андрей с серьёзным лицом вытащил из кармана куртки небольшую отвёртку, будто предъявлял удостоверение.

— Всегда мечтал что-нибудь взорвать. По-настоящему, с грохотом. Если понадобится отвлечь внимание — я мастер. У меня в мастерской кое-что припасено. Много чего.

— Только давай без этого, — начал Коля, но договорить не успел.

Их окликнула Эмма. Она шла по дорожке, прижимая к груди стопку тетрадей, перевязанных ленточкой, и волосы её на утреннем солнце отдавали тёплой медью.

— Доброе утро, мальчики. — Она бросила взгляд на Колины тени под глазами, но ничего не сказала. — Контрольные. Кому-то сегодня очень не поздоровится.

Андрей, подмигнув Коле, тут же свернул с дорожки в сторону боковой аллеи.

— У меня тут одно дельце наметилось. Увидимся, если всё пойдёт по плану. А если не по плану — тем более увидимся, только громче.

— Куда это он? — спросила Эмма, глядя ему вслед.

— Скоро узнаем, — вздохнул Коля. — И, боюсь, вся школа узнает вместе с нами.

* * *

Столовая Ксенвиха когда-то была оранжереей графа Вронского, построившего эту усадьбу полтора века назад для своей чахоточной дочери. От оранжереи остались треснувшие стеклянные панели в потолке, сквозь которые на столы падал мутный зеленоватый свет, и чугунные колонны, увитые давно засохшим плющом. Теперь под стеклом стояли длинные дубовые столы, за которыми завтракала половина школы. На завтрак, как всегда, давали «умную кашу» — серую вязкую массу, которая на вкус напоминала картон, присыпанный мелом, но, если верить табличке на раздаче, «улучшала когнитивные функции». К каше полагался чай с ноотропами, от которого в голове и вправду становилось подозрительно ясно.

Эмма села напротив, отодвинула свою кашу и бросила на стол сложенный вчетверо листок.

— Расписание всех, кто нам нужен. Андрей — третья перемена, кабинет химии. Яков — после обеда в обсерватории, как обычно, греет свою гениальность под куполом. Беллатрис — весь день в мастерской, над новым сплавом. Злая, никого к себе не пускает.

Коля развернул листок, пробежал глазами ровные столбцы, фамилии, время, кабинеты.

— Ты взломала школьную сеть?

— Я оптимизировала доступ к данным, — невинно пожала плечами Эмма и отпила чай. — И заодно посмотрела, кто чем дышит. Например, — она сделала паузу, явно смакуя, — ты сегодня сдаёшь контрольную по квантам.

Коля замер с ложкой у рта, будто его ударило током.

— …Что?

— Ага. Забыл. — Эмма тихо захлопала в ладоши, радуясь его лицу. Потом достала из папки тетрадь, исписанную от корки до корки аккуратным почерком, и пододвинула ему через стол. — Держи. Моя. Сделала два варианта, на всякий случай.

Коля взял тетрадь, полистал. Решения, выкладки, даже черновые пометки на полях.

— Ты… написала её за меня? Всю ночь?

— Мне было скучно ночью после твоего ухода, — сказала Эмма, отвернулась и начала с преувеличенным вниманием поправлять выбившуюся прядь. — И вообще это ещё ничего не значит.

Коля перелистнул ещё страницу и вдруг нахмурился.

— Погоди. Тут мои ошибки. Вот, и вот. Ты их специально повторила?

— Чтобы правдоподобно, — ухмыльнулась Эмма. — Иначе учитель сразу поймёт, что это не ты. Хотя такую глупость в третьем задании я бы, конечно, не допустила. Это чисто твоё, фирменное.

— Ах да. Ты же гений.

— Кто-то должен им тут быть, пока ты спасаешь мироздание. — Она подтолкнула его локтем. — Беги, опоздаешь. И список не теряй — он единственный.

Коля сунул листок во внутренний карман, похлопал по нему, проверяя, и пошёл к выходу, лавируя между столами. У самой двери обернулся.

— А почему не отдашь мне список после контрольной? Зачем сейчас?

Эмма подмигнула ему через весь зал.

— Потому что тогда у тебя не будет стимула вернуться.

Коля закатил глаза, толкнул тяжёлую стеклянную дверь и, выходя на холодный утренний свет, поймал себя на том, что улыбается, как дурак. День, что бы он ни принёс, обещал быть очень длинным.

Глава 3. Границы познания

Философия начиналась сразу после завтрака и тянулась медленнее самой бесконечности.

Класс был просторный, но мрачный, и Коля всегда удивлялся, как в школе, где стены увешаны чертежами и формулами, нашлось место для такой намеренной темноты. Высокие окна затягивали плотные бордовые шторы, и сквозь щели пробивались только тонкие косые лучи, в которых лениво плавала пыль, словно крошечные галактики. На стенах висели портреты великих: Аристотель с каменным лицом, Ницше с усами, похожими на щётку, и третий, безымянный, с вычеркнутым, замазанным чёрной краской лицом. Никто не знал, кто это был. Говорили, что директор велел замазать лицо лично, своей рукой, много лет назад. Напоминание, молчаливое и постоянное, что знание бывает опасным, а слава тем более.

Коля и Эмма, как всегда, заняли заднюю парту, подальше от любопытных глаз и поближе к двери.

Эмма откинулась на спинку стула и что-то быстро строчила в ноутбуке, прикрыв экран ладонью. Коля знал: это не конспект. Она втайне дописывала нейросеть для своего последнего изобретения, пряталась в цифрах от скучной реальности, как другие прячутся в книгах или в музыке. Сам он, прикинувшись внимательным и даже придвинув к себе тетрадь, на самом деле чертил на полях кольцо Моста, кусал карандаш и пытался уложить в голове тот калейдоскоп формул, что пришёл к нему ночью и до сих пор не давал покоя.

Философ, Игорь Валерьевич, появился из тени в углу класса, будто всегда там стоял и только теперь решил, что пора.

Он говорил о границах познания. Голос у него был тягучий, как патока, и от него сами собой смыкались веки; передняя парта уже клевала носом.

— Некоторые истины опасны, — протянул он, медленно расхаживая перед доской, словно делился большой тайной с каждым по отдельности. — Они меняют не только мышление. Они меняют реальность. Человек узнаёт нечто — и мир вокруг него уже не тот, что был минуту назад.

Его взгляд скользнул по рядам и остановился на Коле. Задержался на секунду дольше, чем на других.

В ноутбуке Эммы тихо звякнуло. В их личном чате выскочило сообщение.

«Ты в курсе, что он пялится на тебя, как на подопытного кролика? Прикидывает, с какого бока препарировать».

Коля скосил глаза на экран и, похолодев, напечатал одной рукой, не глядя на клавиши:

«Может, зрение плохое».

В животе у него завязался тугой узел. Он вспомнил камфору в своей комнате, воск, порванный волос. И вдруг понял, что не может смотреть Философу в лицо.

Философ, будто услышав неслышное, оборвал фразу и неспешно двинулся между партами. Каждый его шаг отдавался в тишине гулким эхом, и Коля ловил себя на том, что считает их. Один. Два. По спине ползли мурашки.

Вот он уже возле их стола. Длинные, аристократические пальцы коснулись столешницы, легко, едва ощутимо, словно проверяя, из чего она сделана, или стряхивая невидимую пылинку.

— Любопытно наблюдать, как талантливые умы испытывают границы дозволенного, — промурлыкал он, наклоняясь так близко, что Коля отчётливо почувствовал запах камфоры и старых книг — тот самый запах, от которого всю ночь не выветривалась комната. — Но помните, юноша: в науке есть одно простое правило. Прежде чем что-то сломать — убедитесь, что сможете это починить. Иначе последствия бывают… непредсказуемы.

Коля не дышал. Под партой, незаметно для всех, Эмма перехватила его запястье и сжала, крепко, холодными пальцами, будто передавая ему свою твёрдость взаймы.

Философ выпрямился, и воздух словно стал легче. Он обвёл взглядом класс.

— На следующем занятии разберём этические дилеммы прогресса. Например, где проходит грань между гениальностью и безрассудством. И кто решает, где она проходит.

Он уже отвернулся к доске, но вдруг снова глянул на Колю и обронил, будто между делом, будто вспомнив ничтожную мелочь:

— Загляните ко мне после уроков. Поговорим о ваших исследованиях.

Прозвенел звонок. Дверь за Философом закрылась почти беззвучно. В классе повисла тишина, нарушаемая только шелестом страниц и скрипом отодвигаемых стульев. Запах камфоры, казалось, въелся в самые стены.

Эмма наклонилась к Коле, так что волосы коснулись его щеки.

— Он знает про проект.

— Не может, — отрезал Коля, стиснув зубы. — Это совпадение. Паниковать нельзя, иначе наделаем глупостей.

— Ага. — Эмма захлопнула ноутбук с лёгким щелчком. — Совпадение, которое приглашает тебя на разговор после уроков. Очень удобное совпадение.

* * *

В коридоре жизнь кипела, как вода в перегретом чайнике.

В Ксенвихе между уроками всегда было людно. Студенты сталкивались плечами, роняли папки, извинялись на ходу и бежали дальше, будто каждый боялся опоздать на что-то важное, что случится ровно сейчас и только раз. Длинные запутанные коридоры напоминали лабиринт, построенный человеком, который сам в нём заблудился. На стенах висели доски, сплошь исписанные чужими чертежами, поверх которых уже лезли новые, и вся эта мешанина уравнений наползала одна на другую, как слои старой штукатурки. Пахло мелом, кофе из автомата и книжной пылью.

Эмма шла легко, как танцовщица, ловко уворачиваясь от встречных, кивая одним, улыбаясь другим. Коля то и дело натыкался на людей, бурчал извинения и снова налетал на кого-нибудь: он всё ещё был под гипнозом камфоры и слов про сломанное и починку.

— Куда теперь? — спросила она.

— К физике. А потом… — он осёкся, вспомнив про Андрея и его отвёртку.

— А потом?

— Потом надо поговорить с Андреем. Узнать, что он задумал. Пока он не задумал это вслух, на весь корпус.

Встречные ученики, завидев Эмму, улыбались и кивали ей, как старой знакомой, хотя половину из них она, кажется, видела впервые.

— Ты тут прямо звезда, — заметил Коля, не то с завистью, не то с удивлением.

— Просто я ко всем хорошо отношусь. — Она покосилась на него, и уголок губ дрогнул. — И к тебе это тоже относится, между прочим. Не забывай, ладно?

Она посмотрела на него снизу вверх, и в янтарных глазах мелькнуло что-то тёплое, от чего Коле стало одновременно хорошо и неловко. Он отвёл взгляд и сделал вид, что разглядывает чей-то чертёж на стене.

Когда они проходили мимо кабинета химии, из-за двери донёсся глухой грохот: то ли упала и разбилась колба, то ли рвануло что-то мелкое и безобидное, но очень громкое.

Эмма усмехнулась, ничуть не удивившись.

— Похоже, Андрей уже начал представление.

— Рано, — пробормотал Коля, ускоряя шаг. — Он всегда начинает рано.

* * *

В лаборатории физики гудели перегруженные приборы, и воздух был тёплым и наэлектризованным, как перед грозой. Профессор Хейзенберг, круглый, неутомимый, несмотря на возраст, с венчиком седых волос вокруг блестящей лысины, расхаживал вдоль полок с осциллографами и пытался втолковать классу квантовое туннелирование. Мел крошился у него в пальцах.

— Представьте электрон, — его голос эхом отдавался от стен и стеклянных шкафов, — который просачивается сквозь стену, хотя у него нет на это энергии. Нет сил, нет разрешения, стена выше его возможностей — а он берёт и проходит. Был здесь, оказался там. Вот это и есть туннелирование. Природа, господа, иногда нарушает собственные правила.

Эмма повернулась к Коле с видом глубочайшей, почти философской задумчивости.

— Знаешь, Коль, если бы твои шансы понравиться Кате были частицей, они бы давно протуннелировали сквозь её безразличие.

Как по волшебству Катя, сидевшая на пару рядов впереди, обернулась, будто услышала своё имя сквозь весь шум. Взгляд её скользнул по Эмме, задержался на Коле чуть дольше нужного, и она, едва заметно улыбнувшись, снова отвернулась к доске.

Коля фыркнул, не поднимая глаз от схемы на полях тетради, и почувствовал, что краснеет.

— А твои шутки скоро протуннелируют сквозь барьер моего терпения. И вообще, она мне никогда не нравилась.

— Ну да, ну да. — Эмма ехидно прищурилась. — А кто на прошлой вечеринке до хрипоты доказывал Денису, что Кате нереально идёт новая причёска?

Коля покраснел ещё гуще и уткнулся в тетрадь.

— Это было не про неё.

Он не успел договорить, как Хейзенберг, будто кто-то в нём переключил канал, перешёл к теории относительности. На доске вместо электронов возникли чёрные дыры, воронки и искривлённое, прогнувшееся под их тяжестью пространство.

— Для наблюдателя, который движется со скоростью, близкой к скорости света, — профессор обвёл указкой невидимую линию, уходящую за край доски, — время течёт медленнее. Для него минута, для вас — час.

Эмма тут же толкнула Колю локтем в бок.

— Вот оно! Учил бы всю ночь на околосветовой — время замедлилось бы, и часов на подготовку стало бы больше. Релятивистский подход к сессии. Запатентуем. Метод Хейзенберга.

— Или, — не отрываясь от схемы, отозвался Коля, — ты бы просто меня не отвлекала, и тогда моё время шло бы быстрее. И заодно избавило бы меня от твоих блестящих идей.

Хейзенберг, невольно услышавший это с первого ряда, хмыкнул в кулак и сделал вид, что закашлялся. Некоторые законы физики были бессильны перед студенческой остротой.

* * *

Едва прозвенел звонок, Коля выскочил из лаборатории, не дожидаясь, пока профессор допишет формулу.

До химкабинета в соседнем корпусе было далеко, а времени в обрез. Он почти бежал по гулким коридорам, лавируя между болтающими студентами, свернул в переход, пронёсся мимо распахнутых дверей спортзала, откуда летели звонкие удары мяча по паркету и чей-то азартный крик, и вылетел на узкую боковую лестницу. Шаги гремели по железным пролётам. В голове билась одна-единственная мысль: успеть, пока Андрей не убежал, не попался или не занялся чем-нибудь ещё более интересным и опасным.

Он выскочил на нужный этаж, остановился, сделал пару глубоких вдохов, чтобы не вваливаться в кабинет с лицом человека, за которым гонятся, и сбавил шаг.

Дверь химкабинета была приоткрыта. Внутри, спиной к выходу, Андрей колдовал над замком высокого шкафа с редкими реактивами. Язык он чуть высунул от усердия, и видно

было, что механизм замка занимает его сейчас куда больше, чем любой урок, любой учитель и вся школа разом.

— Слушай, мне нужна помощь с одной системой… — начал Коля, подходя.

— Секунду, — буркнул Андрей, не оборачиваясь. — Тут интересный замок, старый, с секретом… Ага. Есть.

Дверца поддалась с тихим, почти нежным щелчком.

И в ту же секунду за дверью кабинета раздались шаги. Близко. Ближе.

Коля действовал быстрее, чем успел подумать. Он схватил Андрея за рукав.

— Сюда!

Без лишних слов они втиснулись в только что вскрытый шкаф. Едкий запах реагентов ударил в нос, стеклянные бока колб и склянок впились в спину. Дверцу они успели прикрыть изнутри, оставив тонкую щель для обзора, ровно в тот миг, когда в кабинет вошли двое.

— Ваши студенты слишком живо интересуются закрытыми архивами, — произнёс строгий женский голос. Завуч по науке, мисс Эвелин Блэквуд, известная своей педантичностью и привычкой появляться там, где её меньше всего ждут.

— Это Ксенвих, — беззаботно отозвался учитель химии, Игорь Петрович, поправляя сползающие очки. — Здесь все такие. Иначе их сюда и не брали бы.

Завуч понизила голос, и Коле с Андреем пришлось напрячь слух, затаив дыхание в тесноте шкафа.

— Игорь Валерьевич просил обратить особое внимание на Орлова.

Игорь Петрович нахмурился.

— На Колю? Что-то случилось?

— Пока нет. Скорее подозрения. Его проект по альтернативным источникам энергии… вызывает вопросы. Слишком быстро движется. Слишком нестандартные решения для его возраста. И есть сведения, что он пытался добраться до закрытых данных по старым исследованиям.

Её взгляд обвёл кабинет и, как показалось Коле сквозь щель, на секунду задержался на их шкафу. Сердце у него ёкнуло и провалилось куда-то вниз.

— Разве плохо, когда студент проявляет инициативу? — попробовал отшутиться Игорь Петрович, но голос звучал уже не так уверенно, как минуту назад.

— Инициатива — одно. Несанкционированное использование ресурсов — другое. Просто имейте в виду. Заметите что-то — сразу ко мне или напрямую к Игорю Валерьевичу.

Она ещё раз глянула на шкаф, и Коле захотелось вжаться в стену.

— И проверьте, заперты ли все дверцы. Проведите инвентаризацию реактивов. На всякий случай. У нас, знаете ли, учится много… нестандартных людей.

— Это дети, — тихо сказал Игорь Петрович, и в его голосе была странная усталость.

Шаги удалились. Дверь хлопнула.

Коля и Андрей выдохнули одновременно, одним долгим общим выдохом. Андрей пошевелился, пара пробирок тревожно звякнула, и дверца распахнулась сама. Он вывалился наружу первым, едва не опрокинув банку с медным купоросом, и поймал её у самого края стола.

— Ого, — прошептал он, отряхивая куртку и оглядываясь на дверь. — Тебя уже в особый список внесли. Это круче, чем я думал. Это по старому проекту? Или у тебя новый?

— Не совсем новый. — Коля вылез следом, разминая затёкшую спину, и оглядел пустой кабинет. — Скорее… забытый старый. Очень старый.

Он сунул Андрею пару сложенных листков с чертежами. Тот поймал их одной рукой, а другой уже снова ковырялся в замке шкафа, не в силах оставить его запертым.

— Знаешь, — протянул Андрей, разглядывая чертёж на свет, — может, твои штуковины и правда чего-то стоят, раз вокруг столько шума. Завуч, Философ, особые списки… — Он

осёкся, услышав шаги в дальнем конце коридора. — Ладно, обсудим потом. Сейчас тащим реактивы. Пока не передумали вешать на тебя инвентаризацию.

Глава 4. Контрабанда

Путь через школу напоминал спецоперацию, задуманную человеком, который спецоперации видел только в кино, но очень их полюбил.

Сначала пришлось пересидеть в туалете, прижавшись к холодному кафелю, пока по коридору, цокая каблуками, проходила завуч. Потом ползком по техническому проходу между стен, где пахло пылью и горячей проводкой, и где Андрей ловко отключил датчики движения своей «универсальной отвёрткой», которая при ближайшем рассмотрении оказалась больше похожей на полный взломщицкий набор, свёрнутый в кожаный чехол.

— Ты что, всю школу изучил? — прошипел Коля, протискиваясь следом и обдирая локти о бетон.

— Только интересные места, — не оборачиваясь, ответил Андрей.

Куртка Андрея зацепилась за торчащий из стены провод, что-то коротко щёлкнуло, и где-то наверху завыла сирена, тонко, обиженно, как разбуженный комар.

— Ой. — Андрей замер на полсекунды, прислушался. — Ну, теперь точно надо быстрее.

Они рванули вниз по аварийной лестнице, перепрыгивая ступеньки. Коля чуть не поскользнулся на чьей-то забытой на площадке линейке, взмахнул руками и удержался только чудом.

— Ты хоть представляешь, как мы будем объясняться, если нас поймают? — выдохнул он, цепляясь за ледяные перила.

— Легко! — Андрей перемахнул через три ступеньки разом, и куртка взметнулась за ним крыльями. — Скажем, что изучали аэродинамику падающих тел. На практике.

— С твоей-то оценкой по физике?

— Деталь.

На первом этаже дорогу перегородила запертая металлическая дверь. Пришлось лезть через узкое окно рядом с ней, из которого тянуло холодом и сыростью. Андрей проскользнул мгновенно, по-кошачьи. Коля застрял, плечами в раме, ногами снаружи, ровно в тот момент, когда в коридоре за дверью снова раздались шаги.

— Ты что, булочек в столовой переел? — прошептал Андрей, ухватив его за руку и упираясь ногой в стену.

— Я не булочек. Я мозгов, — огрызнулся Коля сквозь зубы и наконец, ободрав куртку, вывалился наружу, в мокрую траву.

Последний рывок через школьный двор, под редким дождём из опадающих жёлтых листьев, мимо голых клумб и каменной скамейки, и вот она, мастерская. Низкое кирпичное строение на задворках, которое, кажется, забыли снести лет тридцать назад. Андрей с ходу пнул ногой разбухшую дверь, и та открылась с характерным, никогда-не-чиненным скрипом, похожим на стон.

Внутри, среди груды деталей, железного лома и банок с краской, стоял мотоцикл Андрея, нечто среднее между старым «Уралом» и маленьким самолётом, собранное из того, что другие выбрасывали.

— Вот она, красавица, — Андрей любовно похлопал по исцарапанному баку. — Добавим немного науки — и полетим быстрее света. Я серьёзно.

Коля оглядел хаос из проводов, паяльников, разобранных приборов и засохших бутербродов.

— Ты вообще когда-нибудь спишь?

— Сон — для слабаков и отличников. — Андрей принялся сноровисто рассовывать пробирки по внутренним карманам куртки, прокладывая каждую ветошью. — Слушай, насчёт

твоего проекта… — он вдруг стал серьёзным, и рука с пробиркой замерла, — давай обсудим в блоке. Не здесь. Здесь стены тонкие.

Дверь мастерской скрипнула. Андрей молниеносно, одним движением, набросил на стол с пробирками замасленную тряпку и повернулся с самым невинным лицом.

— Ну что, преступники, — раздался от порога голос Эммы, и она прислонилась к косяку, скрестив руки, — вам сначала перечислить все нарушения или сразу переходить к нотации? Я подготовила и то, и другое.

Андрей рассмеялся с облегчением и сунул ей в руки одну пробирку.

— Держи, богиня. Это тебе за молчание. Взятка.

Эмма поднесла пробирку к свету, прочитала этикетку, и брови у неё поползли вверх, к самой чёлке.

— Фторид иттрия? Вы вообще соображаете, что это и откуда оно…

Но Андрей уже подхватил её под локоть и подталкивал обоих к выходу.

— Ребята! Обед! Обед — это святое, между прочим. На голодный желудок преступления не раскрываются.

Эмма закатила глаза, но пробирку быстро и аккуратно спрятала в широкий рукав свитера, и они вышли, притворив за собой дверь.

* * *

В столовой Коля нервно поправлял куртку, в которой теперь оттопыривались карманы. Пальцы сами собой барабанили по боку, где под тканью перекатывались украденные пробирки, и каждый стук отдавался в висках, будто вот-вот кто-то обернётся, посмотрит и всё поймёт. Он поймал себя на том, что подсознательно считает шаги до ближайшего выхода: двадцать семь до главной двери, тридцать пять до аварийной, той, что в сад. Привычка, которой он за собой раньше не замечал.

Эмма шла рядом, уткнувшись в ноутбук. Пальцы её стучали по клавишам, но глаза при этом скользили по залу: камеры под потолком, преподаватели у окна, любое лишнее движение. Она намеренно выбрала самый дальний стол, тот, что стоял в «мёртвой зоне» между двумя камерами, куда не дотягивался ни один объектив.

Андрей, в отличие от них двоих, был совершенно спокоен и с аппетитом уничтожал нейро-бургер. Котлета, по его словам, оставляла ореховый привкус, а экстракт гинкго вызывал лёгкое покалывание в кончиках пальцев, будто они понемногу наполнялись электричеством.

— Ну что, — прожевал он, размахивая картошкой фри, как указкой, — как ощущения после первого в жизни научного ограбления? На твоём месте я бы уже придумал себе крутой псевдоним. «Доктор Квантум». Или «Профессор Плюх».

— Это не ограбление, — буркнул Коля, швыряя рюкзак на соседний стул. — Это заимствование в исследовательских целях. И заткнись уже, пожалуйста. Вообще-то это была твоя идея.

Эмма, не отрываясь от экрана, пробормотала себе под нос:

— По моим расчётам, шестьдесят восемь процентов, что нас уже ищут. Плюс-минус пять из-за человеческого фактора.

— Отлично! — оживился Андрей, нисколько не смутившись. — Значит, тридцать два процента на то, что всем глубоко плевать. Я всегда верил в статистику. Хорошие числа.

Коля перегнулся через стол и понизил голос почти до шёпота.

— Вы понимаете, что мы взяли не просто реактивы? В том шкафу были образцы из закрытого крыла. Те, что под биометрией. Я видел наклейки.

Эмма отложила ноутбук и щёлкнула пальцами перед носом Андрея, возвращая его из мира статистики.

— Эй, технарь. Ты хоть знаешь, что такое фторид иттрия?

Андрей отложил булку, вытер руки о салфетку и внезапно стал серьёзным, той редкой серьёзностью, от которой всем сразу делалось не по себе.

— Конечно знаю. Я часто придуриваюсь, но я не тупой, это разные вещи. Это компонент для сверхпроводников. Высокотемпературных. Только вот… — он понизил голос и наклонился ближе, — в школьной лаборатории его быть не должно. Вообще. Ни под каким видом. Думаю, он там просто потому, что редкий, а редкое любят запирать. А на чёрном рынке за такое можно выручить кругленькую сумму. И так проапгрейдить движок, что мама не горюй.

Повисла неловкая пауза. Трое переглянулись, и каждому стало ясно, что они влезли во что-то большее, чем школьная шалость.

И тут за спиной у Коли раздался мягкий, вкрадчивый шёпот, от которого волосы на затылке встали дыбом:

— Интересно, почему сегодня в химической лаборатории недосчитались нескольких… ценных образцов?

Философ стоял прямо за ним, сложив руки за спиной, прямой, как палка. Запах камфоры и старых книг мгновенно окутал стол, перебив все столовские ароматы.

Андрей, не моргнув глазом, невозмутимо продолжил жевать.

— Может, их кто-то съел. Бургеры сегодня особенно химические.

Философ медленно перевёл взгляд с Коли на Эмму, потом обратно. Губы его дрогнули в чём-то, отдалённо похожем на улыбку.

— Будьте осторожны. Некоторые эксперименты имеют неприятную привычку повторяться.

Он положил на край стола сложенную вчетверо записку и ушёл, не оглядываясь. Его тень скользнула по стене и на секунду задержалась дольше, чем положено тени, прежде чем исчезнуть за колонной.

Эмма первой схватила бумажку, развернула, пробежала глазами.

— Он знает.

Коля взял у неё клочок. Там не было ни угроз, ни объяснений, только номер кабинета, 317, и время: 18:00.

— Нет, — тихо сказал он, перечитав. — Он не выдаёт нас. Он предлагает встретиться.

Андрей вдруг перестал жевать и отложил остаток бургера.

— Может, нам правда стоит свалить отсюда? Прямо сейчас? Пока предлагают, а не приказывают?

Его слова перекрыл колокол Ксенвиха, зовущий на следующий урок. Но сегодня он звучал странно: то громче, то тише, с провалами, будто кто-то невидимый нарочно сбивал ему ритм, не давая ударить ровно. По спине у Коли побежали мурашки. Он прислушался, сам не зная зачем, и ему показалось, что где-то в этом нестройном, спотыкающемся звоне прячется сообщение. Предупреждение. Или вызов.

Глава 5. Сделка

— Если бы у него были доказательства, нас бы уже выгоняли, — прошептала Эмма, пока они втроём шли по длинному коридору к кабинету 317. — Значит, доказательств нет. Это просто допрос. Главное — не дёргаться.

Андрей нервно крутил в пальцах микросхему, подбрасывал и ловил, и по тому, как часто он промахивался, Коля понимал, что другу тоже не по себе.

— Я бы не был так уверен, — сказал Андрей. — У этого типа глаза как у совы. Видит всё, даже когда делает вид, что спит. Я таких знаю.

Кабинет Философа оказался тесным и душным, заставленным книжными шкафами до самого потолка, так что казалось, будто стены сложены не из кирпича, а из корешков. Пахло, конечно, камфорой, пылью и ещё чем-то сладковатым, старым. На столе стояла нетронутая чашка кофе, от которой всё ещё поднимался тонкий пар. Значит, Философ налил её только что, к их приходу, и пить не собирался. Сам он сидел напротив, в глубоком кресле, сложив длинные пальцы домиком.

— Интересно, — начал он негромко, глядя не на них, а куда-то между. — Почему сегодня в лаборатории химии пропали реактивы?

Коля почувствовал, как Эмма рядом незаметно прижала локоть к рюкзаку, где лежали те самые пробирки, завёрнутые в её шарф.

— Мы ничего об этом не знаем, — ответил он ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Философ улыбнулся, одними губами, не глазами.

— Странно. Потому что камеры показывают, что вы заходили туда после третьего урока. Вы двое. — Он кивнул на Колю и Андрея.

Андрей фыркнул, разводя руками.

— Может, это был наш двойник. В Ксенвихе всякое бывает.

Философ пропустил шутку мимо ушей, будто её и не было. Его тёмный, немигающий взгляд упёрся в Колю.

— В Ксенвихе ценят умных. Но не воров. — Он сделал паузу, и в этой паузе было что-то тяжёлое. — Ваш отец тоже был… любопытен. Сами знаете, чем это кончилось.

Коля сглотнул. В горле вдруг стало сухо, а в груди холодно и пусто. Отец. Откуда Философ знает про отца? Что он вообще знает?

Эмма резко выпрямилась, прикрывая Колю плечом, как прикрывают от удара.

— У вас есть доказательства? Или вы предъявляете нам одни догадки?

Философ медленно, с видимым удовольствием, откинулся в кресле.

— Пока — только подозрения. Но я найду. Обещаю. — Он помолчал, разглядывая их по очереди. — А пока лучше сознайтесь сами, что вы затеваете. Так будет проще. И вам, и мне.

Тишину в кабинете нарушало лишь тиканье старых часов на стене, ровное, чуть замедленное, будто и они устали.

Андрей вдруг громко, театрально чихнул.

— Простите. Аллергия на пыль. — Он шмыгнул носом и добавил, не меняя тона: — И на необоснованные обвинения, кстати. От них тоже чихается.

Философ поднял бровь, но промолчал.

— Знаете, — продолжил Андрей как ни в чём не бывало, разваливаясь на стуле, — если вам так нужны виноватые, проверьте лучше лаборантов. Вчера я своими глазами видел, как один из них таскал реактивы в подсобку. Целый ящик.

Глаза Философа забегали, туда-сюда, туда-сюда, на долю секунды потеряв всю свою совиную неподвижность. Было видно, что мысль о том, будто у него под самым носом могли меся-

цами растаскивать то, чью пропажу он даже не заметил, задела его по-настоящему, больнее любого ученического воровства.

— Это правда?

— Камеры же всё фиксируют, — пожал плечами Андрей. — Проверьте сами. Коридор у подсобки, второй этаж.

Философ поднялся так резко, что кресло скрипнуло.

— Ждите здесь.

Он вышел, хлопнув дверью чуть сильнее, чем собирался.

— Ты совсем рехнулся? — зашипела Эмма, как только шаги затихли. — Он сейчас всё проверит, и когда окажется, что ты врёшь…

Андрей ухмыльнулся, закинув руки за голову.

— Расслабься. Камеры в том коридоре не работают уже месяц. Я сам их вырубил. Давно, на всякий случай. Пригодилось.

— Он всё равно не поверит, — сказал Коля, не отрывая глаз от двери.

— Конечно не поверит. — Андрей качнулся на стуле. — Зато у нас есть время придумать, что делать дальше. А время — это уже кое-что.

За дверью послышались приближающиеся шаги.

— План простой, — быстро, одними губами прошептала Эмма. — Отрицаем всё. Что бы он ни показал.

— А я придумаю что-нибудь ещё, — кивнул Андрей.

Коля только глубоко вздохнул. На «что-нибудь ещё» Андрея вся надежда обычно и держалась.

* * *

Философ вернулся как ледяной сквозняк. Его обычно бесстрастное лицо выражало теперь неприкрытое раздражение, а длинные пальцы нервно постукивали по тонкому планшету.

— Камеры в том коридоре оказались отключены, — произнёс он, скользнув взглядом по Андрею так, будто просвечивал его насквозь. — Удобное совпадение, не правда ли?

— Может, их отключили на техработы, — тут же изобразил искреннее удивление Андрей. — В прошлый вторник тоже так было, я помню. Да и вообще в Ксенвихе вечно что-нибудь ломается, вы же знаете.

— Довольно.

Голос Философа лязгнул, как захлопнувшийся замок. Он подошёл к столу, положил планшет и повернул его к ним экраном. На снимке застыли двое мальчишек у распахнутого лабораторного шкафа. Качество было высокое, лица узнаваемы до последней чёрточки.

— А полагаю, Эмма, вы тоже замешаны, раз что-то так судорожно прячете. В рюкзаке.

Сердце у Коли пропустило удар. Они не учли угол соседней камеры, той, что в углу под потолком. Все их предосторожности оказались напрасны.

Философ положил планшет экраном вниз и посмотрел на них сверху вниз, долго, оценивающе.

— У меня есть предложение. — Голос стал тихим, почти мягким, но в этой мягкости чувствовалась стальная хватка.

Условия он изложил коротко, по-деловому, будто зачитывал пункты договора. Первое: они продолжают свои эксперименты, не прерываясь. Второе: раз в неделю сдают ему полный отчёт о проделанной работе. Третье: взамен этот снимок и всё остальное остаётся между ними, и директор ничего не узнает.

— Зачем вам это? — резко спросила Эмма.

Философ сложил руки на груди.

— В Ксенвихе я отвечаю за все исследовательские проекты. Ваш энтузиазм требует наблюдения. Я должен знать, чем вы заняты. Чтобы в случае чего — предотвратить нежелательные последствия. Для вас же.

Коля прищурился, вглядываясь в его лицо.

— Вы говорите так, будто уже знаете, чем мы заняты.

— Догадываюсь, — поправил Философ, и уголок его губ слегка приподнялся. — Трое студентов крадут специализированные редкие реактивы. Это либо наркотики — что скучно, — либо что-то куда более интересное. Вроде топлива. Для чего-то достаточно мощного. И я, признаться, искренне надеюсь на второе.

Он выдвинул другой ящик стола и достал оттуда ключ, старый, тяжёлый, с потемневшей медной бородкой.

— Лаборатория в старом корпусе. Глухое крыло, им давно не пользуются. Говорят, там даже водятся призраки. — Он протянул ключ Коле, держа его на раскрытой ладони. — Зато вам никто не помешает. А я смогу спокойно следить за вашим прогрессом. Считайте меня своеобразной формой научного руководства. Бесплатного, заметьте.

Он замолчал, ожидая ответа. В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь замедленным тиканьем часов. Коля смотрел на ключ и понимал, что отказаться они не смогут.

* * *

Когда дверь кабинета наконец закрылась за ними, все трое замерли посреди коридора, переваривая случившееся.

— Ладно, — первым подал голос Андрей. — Давайте по косточкам. Плюсы и минусы. Как взрослые.

Он начал загибать пальцы.

— Плюс: наконец-то нормальное помещение, — подхватила Эмма, кивая на ключ, который Коля задумчиво вертел в руках. — Больше не прятаться по туалетам, не бояться, что застанут. И не отпрашиваться у уборщиц, чтобы посидеть в кладовке.

— Плюс: там наверняка есть хоть какое-то старое оборудование, — добавил Андрей. — А если нет, что-нибудь да стащим. Для апгрейда моего коня.

— А минусы? — спросила Эмма, и улыбка сползла с её лица.

— Мы теперь у него на крючке, — мрачно сказал Коля, сжимая ключ так, что медь впилась в ладонь. — Раз в неделю отчитываться — значит дать ему рычаги давления. Постоянные.

— И лаборатория в глухом крыле, — понизила голос Эмма, оглядываясь. — Если что-то пойдёт не так — никто даже не услышит. Ни крика, ни взрыва.

— А если он решит нас подставить? — подхватил Андрей, уже без улыбки. — Придёт с проверкой в нужный момент и застанет за тем, чего мы даже не делали. Пришить дело — раз плюнуть.

Коля сжал ключ ещё крепче, ощущая в ладони его холод и тяжесть.

— Значит, будем осторожнее, чем он ожидает. Если это ловушка — сделаем так, чтобы он сам в неё и попал.

— Интересно только, зачем это ему, — пробормотал Андрей, глядя на закрытую дверь. — Он же про Мост ничего не знает. Поди.

— Поди, — эхом отозвался Коля, и слово это повисло в воздухе без ответа.

Андрей вдруг хлопнул его по плечу, и лицо у него стало каким-то особенным, почти смущённым: он терпеть не мог оставаться в долгу перед кем бы то ни было.

— Слушай. Мне правда жаль, что я втянул вас во всё это. С реактивами. Так что проси что угодно — помогу чем смогу. Серьёзно.

— Спасибо, Андрюх.

Эмма поправила на запястье браслет из микросхем и тревожно глянула на Колю.

— Только теперь ещё и следить, чтобы Философ не оказался умнее нас. А он, кажется, умнее.

* * *

А в кабинете Философ стоял у тёмного окна и смотрел, как три маленькие фигурки удаляются по коридору и исчезают за поворотом. В его опущенной руке мерно, как маятник, покачивался второй ключ, точная копия того, что он только что отдал Коле.

Он знал, что они согласятся. Слишком увлечены, чтобы отказаться, слишком молоды, чтобы почуять подвох. И он знал, хотя сам себе признавался в этом неохотно, что когда-нибудь они об этом пожалеют. Возможно, очень скоро.

Дверь за спиной открылась без стука. На пороге возник директор, Олег Петрович. Высокий, с безупречно прямой спиной, несмотря на почтенный возраст, с аккуратно зачёсанными сединами и живыми, проницательными глазами, в которых обычно пряталась улыбка.

— Игорь Валерьевич. Как у вас дела? Слышал, у нас тут небольшая… пропажа. — Он произнёс последнее слово с лёгкой иронией.

— Всё в порядке, Олег Петрович. — Философ быстро спрятал ключ в карман и приветливо улыбнулся. — Не стоит беспокоиться. Пустяки.

— А как же пропавшие пробирки? Мне доложили.

— Ученикам что-то понадобилось для экспериментов. Молодость, знаете ли. — Он развёл руками. — Требует движения. И реактивов.

Директор смягчился, и в глазах его зажглись тёплые искры.

— Да, помню себя в их возрасте. Всю химию из кабинета вынес однажды, подчистую, — делал гальваническое покрытие для одного занимательнейшего изобретения, которое потом, конечно, взорвалось. — Он махнул рукой, отгоняя воспоминание. — Ну да ладно. Главное, чтобы не натворили чего по-настоящему опасного. И не будьте с ними строги, Игорь Валерьевич. Даже если найдёте виноватых.

— Всё под контролем, — ответил Философ, глядя ему прямо в глаза, не моргнув.

Олег Петрович кивнул и направился к выходу. Но у самой двери остановился, положив руку на косяк.

— И помните главное. Нельзя задушить талант. Даже если он немного безумный — особенно если он немного безумный. Талант как росток: его поливают, за ним ухаживают, его берегут от заморозков. А слишком строгие методы… могут его растоптать. Раз и навсегда.

— Да, сэр, — почтительно склонил голову Философ.

Дверь закрылась. И Философ снова остался один, со вторым ключом, который он опять достал из кармана и положил на раскрытую ладонь, глядя на него так, будто тот мог что-то ответить.

Глава 6. Отец

В холле их этажа горел камин.

Он был сложен из дикого серого камня, неровного и тяжёлого, и в нём лениво потрескивали дрова, наполняя комнату запахом смолы и дыма. Вокруг стояли потёртые кожаные кресла и продавленные диванчики, помнившие, наверное, ещё первых учеников Ксенвиха, а на стенах висели тёмные картины с пейзажами, на которых уже ничего нельзя было разглядеть, кроме бликов огня. После тесного, пропахшего камфорой кабинета Философа здесь, вдали от чужих глаз и камер, можно было наконец выдохнуть и почувствовать себя человеком, а не подозреваемым.

Выдохнуть, правда, Эмме не дали. Вернее, она сама не позволила.

Она остановилась в дверях, упёрла руки в бока и смотрела на бутылки сливочного пива, которые Андрей заботливо выставил на низкий столик перед камином.

— И что это вы тут делаете? Вам мало проблем с Философом? Решили ещё и мозги свои добить? Сегодня?

— Эмма, ну что ты начинаешь. — Андрей ловко открыл очередную бутылку о край стола. — Надо же как-то сбросить напряжение после такого дня. Это, между прочим, терапия.

— Ага. Сливочным пивом. — Она усмехнулась, качая головой. — Лучше бы делом занялись, терапевты.

И всё же не ушла. Помедлив, она устроилась в кресле рядом, подтянула ноги, достала ноутбук и принялась что-то печатать, время от времени вставляя в их разговор меткие колкости, не поднимая глаз от экрана.

— Итак, — Андрей отхлебнул пива и вытер губы рукавом. — У нас теперь своя лаборатория. Это хорошо. И одновременно плохо. Но вопрос в другом: что делаем дальше?

— Думаем, как собрать Мост. — Коля уставился в огонь, и отблески пламени плясали в его серых глазах. — Схема есть, формула есть, аппаратура с тобой скоро появится. Но нужно больше энергии. Намного больше. И процессор помощнее всего, что у нас было.

— А если, — Эмма на секунду оторвалась от экрана, — попробовать квантовый компьютер?

— Квантовый? — Андрей недоумённо поднял бровь, замерев с бутылкой у рта. — И где мы его возьмём? В магазине на углу купим?

— Можно взломать сеть Пентагона, — невинно пожала плечами Эмма, снова утыкаясь в ноутбук. — У них наверняка где-нибудь завалялся подходящий. Не весь же они используют.

— Не смешно, — проворчал Коля, но уголок рта у него дрогнул. — Нужно что-то реалистичнее. И поближе.

— А кто у нас, кстати, будет отвечать за материалы? — спросил Андрей, оглядывая друзей. — Сплавы, кристаллы, вот это всё?

— Рассматриваем Беллу, — невозмутимо сказал Коля, не отрывая взгляда от огня.

Андрей поперхнулся. Пиво шипящим фонтаном брызнуло у него из ноздрей, и он долго кашлял, хлопая себя по груди.

— Беллу?! — выдавил он наконец. — Беллатрис?! Ты серьёзно? Её — и с ней? — Он мотнул головой в сторону Эммы, которая даже не подняла глаз, только пальцы её на клавишах застучали чуть громче.

— Мы над этим работаем, — сухо сказала Эмма.

Разговор затянулся за полночь. Они спорили, выдвигали идеи, с ходу отбрасывали их, снова спорили. Напряжение этого длинного, сумасшедшего дня понемногу отступало, уступая место азарту, тому особому азарту, который загорается у людей, задумавших невозможное. А

потом, как это всегда бывает ближе к ночи, у догорающего камина, когда остаются только свои, разговор сам собой свернул на личное.

Андрей травил байки из детства, одну нелепее другой. Эмма вполголоса жаловалась на несправедливого преподавателя по биологии. А Коля, покрутив в руках бокал, вдруг заговорил об отце, тихо, глядя в огонь, будто рассказывал не им, а пламени.

— Знаете, — сказал он, — мой отец пропал, когда мне было семь. Просто ушёл однажды и не вернулся. Сказал, что скоро будет, и всё.

Он замолчал, собираясь с духом. Дрова в камине осели с тихим шорохом.

— У меня остался только его блокнот. Чёрный, кожаный, полупустой — с его записями и формулами, в которых я до сих пор не всё понимаю. Почти единственное, что от него есть. — Коля потёр пальцем край бокала. — Иногда мне кажется, что я совсем не помню его лица. Помню руки, запах, голос. А лицо — нет. И знаете, что хуже всего? Я не знаю, любил ли он меня вообще. Может, потому и ушёл так легко.

В комнате стало очень тихо. Только потрескивали угли да где-то за стеной капала вода.

Эмма медленно закрыла ноутбук. Встала, подошла к Коле и обняла его, осторожно, сзади, через спинку кресла, будто боялась спугнуть. Потом отстранилась, обошла кресло и присела перед ним на корточки, чтобы смотреть в глаза.

— Твой отец был хорошим человеком, — тихо и твёрдо сказала она. — Я его помню. Помню, как он покупал нам мороженое в том киоске у реки, два шарика, и всегда разрешал выбрать самому. И как часто заходил к моему отцу — они сидели на кухне и говорили о нас, о детях, о том, кем мы вырастем. Он очень тебя любил, Коля. Очень. Просто не умел это показывать. Некоторые не умеют.

Она выпрямилась, тяжело выдохнула, будто сказала что-то, что давно носила в себе, и вытерла уголок глаза.

— Ладно, ребята, мне пора. Поздно уже, а завтра контрольная, которую, в отличие от некоторых, мне никто не напишет.

У двери она обернулась. Отблеск камина лёг на её лицо.

— Спокойной ночи, Коля. И помни: я всегда рядом. Что бы там ни было.

Дверь тихо закрылась за ней.

* * *

После её ухода в комнате повисла долгая тишина. Андрей задумчиво прихлёбывал пиво, искоса поглядывая на друга, который снова уставился в огонь.

— Слушай, Коль. А ты ведь определённо нравишься Эмме, м?

Коля вздрогнул и резко поднял голову.

— Что? С чего ты взял?

— Да ладно тебе. Я не слепой. — Андрей фыркнул. — Она на тебя смотрит так, как не смотрят на друзей.

— Не говори ерунды. Мы просто друзья. С детства.

— Ну-ну. — Андрей скептически прищурился и загнул палец. — Друзья, которые вместе спасают мир. Ночуют в лабораториях. Пишут друг за другом контрольные по ночам. Отличное, я тебе скажу, начало романа. Классическое.

— Брось. — Коля упрямо помотал головой. — У нас с ней ничего не может быть. Мы слишком… разные. И заботы сейчас совсем другие. Мост строить надо, а не романы крутить.

Андрей пожал плечами, откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза с видом человека, который своё дело сделал.

— Ладно, как знаешь. Дело хозяйское. А вот я, признаться, даже рад, что Белла, возможно, будет с нами.

— Белла? — удивился Коля, оборачиваясь. — А она-то тут при чём?

— А при том, что она очень даже ничего. — Андрей приоткрыл один глаз. — И умная, и красивая, и с юмором у неё всё в полном порядке. Не то что у некоторых.

— Это ты про Эмму сейчас?

— Да нет, что ты, — поспешно отмахнулся Андрей. — Просто констатирую общий факт. Белла — отличная девушка. И, в отличие от некоторых, не строит из себя недотрогу.

Коля нахмурился сильнее.

— Ты что, втюрился?

Андрей рассмеялся, но как-то не очень убедительно.

— Да расслабься. Я просто восхищаюсь её талантом. Ну и красивая, да, этого не отнять. Но у меня сейчас, как и у тебя, другие заботы. Не хочу распыляться. — Он вздохнул, помолчал и вдруг добавил, уже без всякой бравады: — Хотя… определённо втюрился, братан. По уши. Беллатрис — она какая-то другая. Смотрит иначе, говорит иначе, думает иначе. Есть в ней шарм. И делай скидку на то, что я сейчас немного пьян: из-за наших препаратов устойчивость к алкоголю падает раза в три, сам знаешь.

Он вдруг решительно встал, едва не опрокинув столик.

— Пошли.

— Куда? — опешил Коля.

— К ней. Пригласишь в команду. Спорим, она не устоит перед нашими чертежами?

— Да? А от работы с Эммой она точно откажется. Они же терпеть друг друга не могут.

Коля задумался.

— А мы ей не скажем, — ухмыльнулся Андрей, и глаза его хитро блеснули.

— Как это не скажем?

— А так. Скажем — соглашайся, завтра в семь собираемся у теплицы. А там уже поставим перед фактом. Увидит Эмму — пусть сама решает, остаётся или нет. Поздно будет отступать.

— Андрей, сейчас час ночи. Она давно спит.

— Да ладно тебе. — Андрей махнул рукой. — Она же почти учёный. У них, у учёных, свои законы времени, ты сам сегодня на физике слышал. Может, она как раз сейчас не спит, а ищет вдохновение для своего нового сплава. Пошли уже. Пусть хоть у кого-то из нас сегодня будет хэппи-энд.

Коля смотрел на него долго, взвешивая. Потом молча отставил недопитый бокал и поднялся.

— Ну и чего застрял? — бросил Андрей уже от двери. — Сам меня убедил — сам теперь и застрял. Сумасброд.

Глава 7. Беллатрис

Коридоры общежития ночью жили своей, особой жизнью.

Днём здесь толкались, смеялись и бегали, а сейчас стояла густая, почти осязаемая тишина, в которой каждый звук казался громче, чем был. На стенах висели растрёпанные плакаты с формулами, пришпиленные криво и наспех; по углам громоздились стопки книг, которым не хватило места на полках; кое-где на подоконниках стояли одинокие кружки с недопитым, давно остывшим чаем. Всё говорило о людях, увлечённых наукой и совершенно равнодушных к порядку. Андрей на ходу нагнулся, подобрал с пола скомканный лист, сплошь испещрённый уравнениями, и поднёс к глазам.

— Ого, — присвистнул он тихо. — Кто-то тут по ночам не спит, а мир спасает от глобального потепления. Судя по значкам.

— Тихо ты, — шикнул Коля, заметив в нише у лестницы сторожа, мирно посапывающего на стуле с газетой на коленях. — Разбудишь.

Они на цыпочках обогнули спящего и наконец добрались до нужной двери в конце коридора. Андрей, набравшись смелости и пригладив ладонью растрёпанные волосы, негромко постучал.

— Каво? — донёсся из-за двери сонный, недовольный голос.

— Это мы, — ответил Андрей как можно обаятельнее. — Николай и… я. Можно на минутку?

Тишина. Долгая. Потом за дверью что-то зашуршало, щёлкнул замок, и дверь медленно, с подозрением, приоткрылась.

На пороге стояла Беллатрис, в длинном шёлковом халате, опираясь плечом о косяк и загораживая проход. Хрупкая, с серебристо-белыми волосами, небрежно собранными в хвост, из которого выбивались пряди. Фиалковые глаза смотрели на ночных гостей с удивлением и откровенным, нескрываемым раздражением.

— Что ж. Надо отдать должное. Неожиданно, — произнесла она, оглядев их с ног до головы.

Андрей слегка покраснел под этим взглядом и попытался перехватить инициативу.

— Извини, что разбудили. Просто тут такое дело, понимаешь…

— Какое дело может быть в час ночи? — перебила она, приподняв тонкую бровь. — Приличное дело спит.

— Да вот… мы подумали… — Андрей запнулся. — Может, ты не хотела бы вступить в нашу команду?

Беллатрис окинула его долгим оценивающим взглядом, от которого ему явно стало не по себе.

— В вашу команду. И чем же таким невероятно интересным вы заняты, что вам вдруг понадобилась именно я?

— Мы строим Мост, — выпалил Андрей с надеждой, будто эти два слова всё объясняли.

— Мост. — Она нахмурилась, и в фиалковых глазах зажёгся огонёк. — Это как-то связано с вашими ночными вылазками в химкабинет? Про которые уже вся школа гудит. Слухи по Ксенвиху расползаются быстрее ужаленного суслика, вы разве не знали?

Андрей почувствовал, что обаяние пробуксовывает, и пустил в ход последние резервы.

— Ну да, — улыбнулся он самой широкой из своих улыбок. — Мы там немного… добывали ингредиенты. Для большого дела.

— И почему, собственно, я должна вам верить? Двум мальчишкам, которые разбудили меня среди ночи и от которых разит пивом.

— Потому что мы хорошие ребята! — Андрей торжественно раскинул руки, едва не задев стену. — И мы строим…

Тут его словарный запас внезапно иссяк, и он беспомощно отступил на полшага.

Коля понял, что настала его очередь, и шагнул вперёд. Он молча достал из-под куртки свёрнутые в трубку чертежи и протянул ей.

— Это схемы. Наш проект. Здесь уже описано многое — расчёты, узлы, принцип. — Он поколебался, подбирая слова. — Нам нужны твои навыки. Материалы, сплавы. Без них ничего не выйдет. Нам нужна ты.

Беллатрис не сводила глаз с развёрнутых листов. Фиалковый взгляд жадно, цепко впивался в каждую линию, в каждый символ, перебегал от формулы к формуле. Раздражение на её лице медленно таяло, уступая место чему-то другому. Через несколько секунд она подняла голову.

— Интересно, — сказала она, прищурившись. — Очень интересно.

Она повернулась и, не говоря больше ни слова, медленно пошла вглубь комнаты, к рабочему столу, заваленному инструментами, деталями, мотками проволоки и какими-то странными, тускло поблёскивающими приборами. Щёлкнула выключателем настольной лампы, и серебристые волосы вспыхнули в её мягком свете, как иней. Не обращая больше никакого внимания на гостей, топтавшихся у порога, Беллатрис склонилась над чертежами, хмуря брови и что-то неразборчиво бормоча себе под нос.

Андрей переминался с ноги на ногу, не выдержал и наконец спросил:

— Ну как? Интересно? Захватывающе? Дух захватывает?

— Не мешай. Я думаю, — бросила она через плечо, не оборачиваясь.

Коля молча ждал, чувствуя себя всё более неловко в чужой комнате. Он разглядывал полки с образцами, баночки с порошками, аккуратно подписанные её рукой.

Наконец Беллатрис оторвалась от бумаг и выпрямилась.

— Что ж, — усмехнулась она, и усмешка эта была уже почти дружелюбной. — В этом есть что-то безумное. По-настоящему безумное. Мне нравится.

— Значит, ты с нами? — обрадовался Андрей, подаваясь вперёд.

— Не торопись. — Она подняла ладонь, останавливая его. — Прежде чем я соглашусь, у меня есть вопросы. Несколько.

Она обвела обоих мальчишек строгим взглядом.

— Во-первых. Что это за варварский способ добычи реагентов? Вы что, совсем не знаете, что в Ксенвихе камеры на каждом углу, в каждом коридоре? Вас же поймают через неделю.

Андрей виновато пожал плечами. Коля покраснел и опустил глаза.

— Во-вторых. — Она посмотрела прямо на Колю, и взгляд её стал острым. — Ты правда думаешь, что эта твоя схема заработает? Или это просто красивая картинка, чтобы впечатлять доверчивых девушек в час ночи?

Коля выпрямился и встретил её взгляд, не отводя глаз.

— Я уверен в своих расчётах. Но всегда готов выслушать конструктивную критику. Если она конструктивная.

Беллатрис медленно усмехнулась, будто именно этого ответа и ждала.

— Хорошо. Тогда докажи, что я ошибаюсь. Найди в своих расчётах то, что не найду я, или защити то, что я раскритикую. И, может быть, тогда я присоединюсь к вашей безумной авантюре. — Она подмигнула Андрею, и тот просиял. — Но предупреждаю сразу, честно: я не терплю дилетантов. Увижу, что вы занимаетесь ерундой или халтурите, — уйду не раздумывая, в тот же день.

Она ещё раз оглядела Колю с ног до головы, оценивающе.

— И ещё одно. Тебе не помешало бы поработать над чувством юмора. А то слишком серьёзный. С такими лицами мосты между мирами не строят — с такими лицами ходят на похороны.

С этими словами она снова уткнулась в чертежи, давая понять, что разговор на сегодня окончен.

— Завтра в семь, у ворот теплицы, — осторожно сказал Коля, пятясь к двери. — Мы собираемся, чтобы…

— Я подумаю, — оборвала она, не поднимая головы. — А теперь — вон из комнаты, алкашня. Серьёзно, от вас пивом разит за километр. Идите проспитесь.

* * *

Выбравшись в тёмный коридор и притворив за собой дверь, Андрей и Коля переглянулись, и обоих разом переполнил восторг.

— Ну, я же говорил! — Андрей лукаво подмигнул, едва сдерживаясь, чтобы не завопить на весь этаж. — Беллатрис у нас в кармане! Я же чувствовал!

— Не торопись, — осадил его Коля, хотя и сам улыбался. — Она ещё не сказала «да». Она сказала «я подумаю».

— Да ладно тебе! Видел, как она смотрела? Глаз от твоих чертежей не могла оторвать. Я таких влюблённых взглядов на технику ещё не видел.

— Не от чертежей, — проворчал Коля, но без прежней уверенности. — От моих ошибок. Она же прямо сказала, что хочет их проверить.

— Да какая разница, от чего! — отмахнулся Андрей. — Главное — заинтересовалась. А если Беллатрис Моро чем-то по-настоящему заинтересовалась, считай, дело уже сделано. Я её знаю.

Лёгкое опьянение от сливочного пива и предвкушение близкой победы окрыляли их обоих. Они шли по тёмному коридору мимо спящего сторожа, не в силах согнать с лиц глупые улыбки.

— Слушай, — вдруг сказал Коля, искоса глянув на друга. — А ты заметил, как она на тебя-то смотрела? Когда подмигивала?

— Да что ты пристал ко мне с этой Беллатрис! — вспыхнул Андрей и прибавил шагу. — Нам Мост строить надо, а не романы крутить. Сам же говорил.

— Ну и зря отнекиваешься. Такая девушка пропадает.

— Иди спать, сводник.

Они дошли до своих дверей в конце коридора.

— Ладно, — зевнул Андрей, и зевок вышел широкий, до хруста в челюсти. — Пора. День был длинный. Длиннее некуда.

Коля кивнул и побрёл к своей кровати. Раздеваясь в темноте и залезая под холодное одеяло, он долго смотрел в потолок, а потом всё-таки не удержался и тихо пробормотал в темноту, скорее себе, чем кому-то:

— Надеюсь, она придёт. Иначе мост нам не построить.

И, уже засыпая, подумал, что завтра в семь у теплицы будет интересно, что бы там ни решила Беллатрис и как бы ни посмотрела на неё Эмма.

Глава 8. Ревность

Солнце пробилось сквозь щели в шторах и нагло ударило Колю по лицу. Он застонал и перевернулся на другой бок.

Дверь влетела внутрь вместе с Андреем.

— Подъём, соня! — заорал тот, подлетая к кровати. — Мы всё проспали! Подъём, пока не поздно, а то совсем оголодаем!

Коля сонно уставился на него. Лицо у Андрея было красное, волосы дыбом, в глазах паника.

— Что случилось?

— Что случилось?! Мы проспали! Опаздываем на завтрак!

— И что страшного в том, что мы опаздываем на завтрак?

— Да мы вчера пропустили ужин! А сегодня умная каша, и если опоздаем — достанутся объедки. Или вообще ничего.

Это подействовало. Коля вскочил.

— Чёрт. Бежим.

Забыв о приличиях, они заметались по комнате, путаясь в рукавах и роняя вещи. Андрей на бегу застёгивал куртку и бормотал что-то про коварство будильников и жестокость судьбы.

Через лабиринт коридоров они вылетели в столовую, запыхавшиеся, взъерошенные. И остановились. От завтрака почти ничего не осталось. У раздачи скучала одинокая повариха, лениво перекладывая ложкой остатки каши из миски в миску.

— Опоздали, мальчики. Всё разобрали.

Андрей сглотнул и посмотрел на неё умоляюще.

— Ну хоть что-нибудь, пожалуйста. Мы со вчера ничего не ели.

Повариха вздохнула и протянула им две тарелки с остатками.

— Нате. Только в следующий раз не опаздывайте.

Каша выглядела не очень, но голод не тётка. Они уселись за стол и принялись за еду.

И тут подошла Эмма: руки в бока, на лице ехидство.

— Ну и где вы были? На свидании с Морфеем? Или опять всю ночь мир спасали?

— Эмма, не начинай, — пробурчал Коля с набитым ртом. — Мы просто проспали.

— Проспали, — передразнила она. — А может, всю ночь к Беллатрис бегали? Уговаривали вступить в вашу секту гениев?

Андрей закашлялся.

— Что ты такое говоришь?

— А что? Я просто констатирую. Вы теперь герои-любовники. Бегаете по ночам к девушкам, а потом опаздываете на завтрак. Ладно Андрей. Но от тебя, Коль, я такого не ждала.

— У тебя что, везде кроты? — возмутился Андрей. — Откуда ты знаешь?

— В Ксенвихе нет ничего тайного. — Эмма невозмутимо пожала плечами. — Особенно если ты шатаешься по коридорам в час ночи. В блоке Беллатрис живёт девочка, которая знает Линду, которая знает Кэролин. А Кэролин рассказала мне. Так что не отпирайтесь.

Она повернулась к Коле.

— И что, согласилась? Или выслушала ваш пьяный бред и захлопнула дверь?

— Мы… договорились встретиться сегодня у теплицы, — пробормотал Коля, глядя в тарелку. — Посмотрим.

— Посмотрим, — эхом отозвалась Эмма. И вдруг переменила тон. В голосе прорезалась обида. — А почему вы меня не спросили? Я что, недостаточно умна, чтобы помочь с набором?

Она резко встала и, не говоря больше ни слова, вышла, быстро, демонстративно, так, чтобы было видно, как её задели.

Андрей толкнул Колю в бок и подмигнул.

— Видишь, как ревнует?

— Не говори ерунды. Она просто за нас переживает.

— Переживает? Да она сейчас готова порвать Беллатрис на кусочки. Ты что, не видишь? Она тебя любит.

— Не выдумывай. Мы просто друзья. И вообще у нас другие заботы.

— Знаю, знаю. «Надо думать о Мосте, а не о любви». — Андрей пожал плечами и вернулся к каше. — Как знаешь. Только потом не говори, что я не предупреждал.

* * *

День тянулся мучительно долго. Черчение, география, мнемоника слились в серую массу. Но хуже всего была музыка.

Эмма, вопреки обыкновению, демонстративно села на другой конец класса. Спина выражала обиду, плечи неприступность. Андрей тут же плюхнулся рядом с Колей и заговорщицки подмигнул.

— Ну что, как оно? Видишь, какая гроза надвигается?

Коля угрюмо отвернулся к окну. Звуки фортепиано, обычно успокаивающие, сегодня действовали на нервы.

— Ты посмотри на Эмму, — шептал Андрей, кивая в сторону. — Она весь урок Беллу взглядом сверлит. Искры летят.

Коля всё-таки глянул. И правда: Эмма сидела, чуть наклонившись вперёд, и янтарные глаза, обычно тёплые, горели недобрым огнём, в сторону Беллатрис.

— Перестань выдумывать.

— Да ладно тебе. Ревнует она. Чистой воды ревность. Боится, что ты сбежишь.

Коля поёжился и уставился в окно, стараясь не слушать.

* * *

После музыкальной экзекуции они с Андреем побрели по коридору и свернули в пустой класс.

— Так, — Андрей достал блокнот. — Давай ещё раз распределим обязанности. На случай, если Беллатрис согласится.

— Я — формулы, общий ход и слежу, чтобы ты ничего не взорвал. Эмма — программы. Андрей — аппаратура. Белла — материалы. — Коля нахмурился. — Но есть проблема. Математическое моделирование волновой экспозиции. Штука зверская. Уравнения уровня Шрёдингера.

— Я такое решать не буду, даже не проси, — выпалил Андрей. — И не смогу, честно говоря.

Они переглянулись.

— И кто тогда за это отвечает? — спросил Коля.

— А я почём знаю. Может, Беллатрис возьмёт?

— Сомневаюсь. У неё и так дел по горло.

— Тогда кого звать? У нас больше никого.

— Мы с Эммой думали о Якове Эльбала.

Андрей скривился.

— Яков? Этот выскочка? Он же считает себя гением всех времён и народов. Самовлюблённый нарцисс и хвастун. С ним невозможно работать.

— Зато он умный. И в математике разбирается как никто.

— Да лучше я сам всё сделаю, чем буду работать с этим типом. И он не согласится, Коль. Ни при каких обстоятельствах.

Коля вдруг хлопнул ладонью по парте.

— Придумал. Он сам к нам придёт.

— Это как?

— Подожди. Скоро увидишь. — Коля загадочно улыбнулся. — А пока надо помириться с Эммой.

* * *

Эмма стояла у окна в конце коридора, спиной к нему. Солнце играло в её волосах, собирая вокруг головы нимб. Коля подошёл, затаив дыхание.

— Эмма.

Она вздрогнула и медленно обернулась. Взгляд был холодный.

— Что тебе нужно?

— Послушай. Я знаю, что ты обиделась. Мы просто не хотели тебя беспокоить.

— Не хотели беспокоить? Или не хотели, чтобы я знала, что вы по ночам бегаете к Беллатрис?

— Нам нужна её помощь. Она хорошо разбирается в материалах.

— А я, значит, не разбираюсь.

— Ты не так поняла. Ты у нас лучшая, ты же знаешь. Просто… нам нужны все, кто может помочь. Ты ведь в библиотеке сама согласилась.

Эмма молчала, глядя на него в упор.

— Эмма, я тебя ценю. Очень. Ты мой лучший друг. Без тебя я бы ничего не смог. — Он поколебался. — Не злись, ладно?

В её глазах блеснули слёзы.

— Просто… мне обидно, что ты мне не доверяешь. Не говоришь, что будешь делать.

— Я доверяю тебе. Больше, чем кому-либо.

Он протянул руку и коснулся её щеки.

— Прости. Я был не прав.

Эмма вздохнула и слабо улыбнулась.

— Ладно. Забыли. Но больше так не делай.

— Не буду.

Он обнял её, и она, прижавшись, тихо заплакала. Напряжение между ними наконец рассеялось.

— Всё будет хорошо, — прошептал Коля, гладя её по волосам.

И, говоря это, думал совсем не о Мосте.

Эмма отстранилась, вытерла слёзы.

— Ладно. Дальше что?

— Пошли в столовую.

Взявшись за руки, они пошли обратно, туда, где их наверняка уже ждал Андрей с горой тарелок.

Глава 9. Ингреквих

Андрей сидел за столом, окружённый горой тарелок, и с энтузиазмом уплетал всё подряд.

— О, уже помирились? — обрадовался он с набитым ртом. — А я думал, до конца учёбы дуться будете.

— Всё в порядке, — Коля сел рядом. — Просто спокойно поговорили.

Эмма оглядела опустевшие тарелки.

— Смотрю, ты за нас всё уже съел. Не лопнешь?

— Никогда! В Ксенвихе нельзя лопаться в обед, тут слишком вкусно.

В тарелке у Андрея была обычная мешанина: пюре, котлета, макароны с сыром, капустный салат и фирменный пудинг с глицином, любимое лакомство студентов. От каждого блюда он откусил понемногу.

В столовой играла скрипка, тихая классическая мелодия. По древней традиции она звучала здесь каждый день. В зал вошёл лакей в строгой ливрее и принялся разносить свежие газеты. Ещё один обычай Ксенвиха. Говорили, сто лет назад здешние студенты так увлекались наукой, что не отрывались от неё даже в обед, и, чтобы их хоть чем-то отвлечь, для них стали выпускать газету с новостями.

Лакей положил газету перед Эммой.

— Держите, мадемуазель.

— Кому нужны газеты в эпоху интернета? — проворчала она, но машинально пробежала глазами по строчкам.

Андрей, жуя пудинг, пожал плечами.

— Традиция. Их надо уважать. Да и подложить под тарелку можно, чтобы стол не пачкать.

Эмма вдруг вскрикнула и швырнула газету на середину стола, откинувшись на спинку стула, словно её ударило током.

— Смотрите!

Андрей и Коля уставились на первую полосу. Крупным шрифтом там был набран заголовок: «Ингреквих в агонии: кровавая трагедия потрясла научный мир».

— Ингреквих? — нахмурился Андрей. — Это же наш аналог в Австралии. Что там случилось?

Эмма, бледная как смерть, начала читать вслух:

— «Ужасающая трагедия произошла в Ингреквихской академии для одарённых детей. Неизвестные совершили вооружённое нападение на школу. Погиб двадцать один человек…»

Она перевела дух.

— Двадцать один? — прошептал Коля. — Как это возможно?

— «Среди погибших: один охранник, один сотрудник столовой, двое учителей, включая директора, трое старшеклассников, пятеро учеников средней школы, девять — младшей. Все дети родом из самых развитых стран мира».

Эмма отложила газету. По щекам текли слёзы.

— Не пощадили даже малышей. За что?

Даже Андрей, всегда весёлый, сейчас сидел подавленный.

В столовой повисла тишина. Притихли даже самые шумные. Вилки перестали звенеть, скрипка замолкла, будто почувствовав общее горе.

И тут двери распахнулись. В зал стремительно вошёл директор, Олег Петрович. Лицо, обычно доброе, сейчас было суровым. За ним, как тени, следовали преподаватели. Он поднялся на возвышение, обвёл взглядом притихших студентов и заговорил, твёрдо, не как всегда.

— Уважаемые студенты и преподаватели. Вы уже знаете о трагедии в Ингреквихе. Это страшное горе, и мы глубоко скорбим о погибших. — Он опустил голову, помолчал. — Я знаю, многие из вас сейчас напуганы. Это естественно. Но мы не должны поддаваться панике. Мы должны быть сильными и сплочёнными.

Он выпрямился.

— Ксенвих — одна из самых защищённых школ в мире. Но даже самая совершенная система не даёт абсолютных гарантий. Поэтому с завтрашнего дня в Ксенвихе вводится чрезвычайное положение. Объявляется готовность к атаке второй степени.

По залу прокатился шёпот.

— Будут усилены все меры. Больше охраны, строгий контроль входов и выходов, ужесточённый пропускной режим. Посторонних будут задерживать и допрашивать. Все экскурсии и внеклассные мероприятия временно отменяются. — Он обвёл зал глазами. — Сохраняйте спокойствие и бдительность. Сообщайте о любых подозрительных людях. Вместе мы — сила. Ксенвих выстоит.

Директор вышел, оставив студентов наедине со страхом.

Андрей первым нарушил молчание.

— Ну что, ребят. Похоже, Мост придётся отложить. Сейчас не до экспериментов.

— Да, наверное, — тихо сказала Эмма. — Важнее думать о безопасности.

— Не время в гениев играть, — поддержал Коля. И вдруг осёкся. Поднял голову.

— Нет. Мы не должны откладывать. Наоборот. Сейчас проект важен как никогда.

Андрей и Эмма удивлённо посмотрели на него.

— Ты с ума сошёл? — воскликнул Андрей. — Чрезвычайное положение на дворе!

— Именно поэтому. Нельзя позволить страху нас остановить. А насчёт безопасности — будем осторожнее. — Глаза у Коли горели. — Нам нужно собраться и всё обсудить. Иначе так и будем сидеть, дрожа от страха.

— Где собираться? — спросила Эмма. — В школе опасно.

— У теплицы. Там тихо. И спрятаться можно, если что.

— Ладно, — согласился Андрей. — Звучит разумно.

— Ждите меня там после уроков. — Коля поднялся.

— А ты куда?

Коля загадочно улыбнулся.

— Мне нужно уладить одну задачу.

И, не объясняя больше ничего, вышел.

* * *

Коля направился прямиком в кабинет математического кружка. Нужно было успеть, пока не началось занятие.

Яков Эльбала, самопровозглашённый гений и звезда кружка, конечно, был там. Сидел за первой партой в безупречно выглаженной рубашке и начищенных туфлях, будто готовился к научной конференции, и свысока поглядывал на остальных.

Коля занял место в дальнем углу и принялся слушать лекцию, стараясь не привлекать внимания. Но краем глаза следил за Яковом, выжидая момент.

Когда лекция закончилась и ученики, по обыкновению, обступили преподавателя, Коля сделал вид, что ему что-то понадобилось у доски. Взял мел и начал быстро писать, будто поглощённый сложной задачей.

На самом деле он выводил уравнения, описывающие работу Моста, маскируя их под абстрактные функции. И делал это с умыслом. Несколько ошибок, нарочно, чтобы зацепить. Самый важный, ключевой кусок он оставил нерешённым, словно приглашая: ну, догадайся сам.

Коля знал: Яков, с его болезненным самолюбием и тягой к трудным задачам, мимо такого не пройдёт.

Так и вышло. Краем глаза он увидел, как Яков, едва взглянув на доску, напрягся и жадно впился в уравнения, хмуря лоб и что-то строча в блокнот.

Закончив, Коля окинул написанное взглядом и, будто ему что-то не понравилось, резко всё стёр.

Яков успел прочитать большую часть. Он то и дело украдкой косился то на доску, то на Колю. Но виду не подавал: гордый, самолюбивый, он сохранял невозмутимость, словно ничего особенного не случилось.

Коля знал, что план сработал. В глазах Якова мелькнули интерес и вопрос: что же такое задумал Орлов?

Сделав вид, что ему больше нечего тут делать, Коля неспешно вышел из кабинета и направился к выходу из школы.

А Яков, якобы по срочному делу, выскользнул следом и, прячась за колоннами, украдкой двинулся за ним.

Эльбала сидел на удочке и даже не подозревал об этом. Коля будто надел на него ошейник и теперь вёл прямиком к теплице.

Глава 10. Теплица

Возле теплицы, на заднем дворе Ксенвиха, росли диковинные растения со всего мира. Яркие цветы и необычные листья создавали ощущение сказки. Коля вдохнул запах свежей земли и почувствовал, как отступает напряжение.

Но, свернув за угол, он замер.

Идиллия рассыпалась. Андрей, красный от натуги, обхватил Эмму сзади, пытаясь удержать. Она отчаянно вырывалась, крича что-то невнятное. В нескольких шагах, невозмутимая, стояла Беллатрис. Фиалковые глаза холодно смотрели на Эмму, губы кривились в усмешке.

— Я же говорил, что ничего не выйдет! — заорал Андрей, завидев Колю. — Говорил, что они не поладят!

Эмма вырвалась и подбежала к Коле, глядя на него полными ярости глазами.

— Она! Она такое сказала! Она…

И снова кинулась на Беллатрис, как дикая кошка. Андрей едва успел перехватить.

— Да что тут происходит?! — заорал Коля.

— Всё нормально, — холодно обронила Беллатрис. — Просто твоя подружка оказалась слишком чувствительной.

— Она сказала, что не ожидала увидеть меня в команде, — выпалила Эмма дрожащим голосом. — Что мне там не место. Что тем, кто умеет только кнопки нажимать, в настоящем проекте делать нечего.

— Это ещё не всё! — Андрей, не выпуская Эмму, кивнул на Беллатрис. — Она добавила, что Эмме с её бледной кожей и усталыми глазами лучше сидеть дома и пить травяной чай, а не лезть в науку. Учёный, видите ли, должен быть сильным, а не похожим на болезненного мотылька.

— И что у меня слишком маленький мозг, чтобы вместить такие формулы! — крикнула Эмма.

Беллатрис пожала плечами.

— А что я должна была сказать? Это правда. Разве я виновата, что твоя подружка такая ранимая?

Коля выдохнул и попытался взять ситуацию под контроль.

— Так. Стоп. Хватит. Не переходите на личности. — Он посмотрел на Беллатрис, но в её фиалковых глазах не было и тени раскаяния. — Беллатрис, ты перегнула палку. Зачем ты так?

— Я просто говорю правду. В науке не место сантиментам.

— Можно говорить правду тактичнее.

Он повернулся к Эмме.

— Не принимай близко к сердцу. Ты же знаешь, Беллатрис… своеобразная.

— Своеобразная?! Да она просто хамка!

— Я не хамка. Я просто не люблю лицемерие.

Коля устало снял очки и зажал переносицу.

— Послушайте. Мы здесь ради одной цели — построить Мост. Если мы не научимся работать вместе, ничего не выйдет. — Он посмотрел на Беллатрис. — Пойми: Эмма вносит огромный вклад. Её программирование незаменимо. — Потом на Эмму. — А ты не слушай её слова. У тебя всё прекрасно получается.

Но, судя по их лицам, примирение проваливалось.

Эмма сжала кулаки и шагнула к Беллатрис. В глазах полыхала ярость.

— Да я тебя…!

— Эмма, успокойся! — Андрей снова перехватил её. — Не делай глупостей!

— Оттащи её! — крикнул Коля. — Она сейчас ей глаза выцарапает!

Беллатрис стояла неподвижно, и лишь лёгкая усмешка трогала уголки её губ. Ни страха, ни сожаления.

Наконец, оценив, что дальше спорить бессмысленно, она произнесла с ледяным спокойствием:

— Ладно. У меня нет времени на эти глупости. С этой сентиментальной размазнёй я работать не буду.

Она развернулась и пошла к учебному корпусу, чёткой, уверенной походкой человека, который ни о чём не жалеет.

Эмма, проводив её взглядом, понемногу успокоилась. Ярость сменилась усталостью и обидой.

— Тебе лучше? — осторожно спросил Андрей.

Эмма кивнула, и он выпустил её.

Коля опустился на ступеньки у входа в теплицу, снова массируя переносицу. Голова раскалывалась. Его план объединить лучших учеников Ксенвиха провалился с треском.

В тишине, нарушаемой лишь шелестом листьев, все трое побрели к общежитию. И тут Эмма вдруг остановилась и обернулась. В глазах снова сверкнула обида.

— А какого фига вы не сказали Белле, что я с вами?! Почему она думала, что вы одни строите этот дурацкий мост?!

И, не дожидаясь ответа, ускорила шаг и ушла вперёд.

Коля с Андреем переглянулись.

— Ох уж эти женщины, — вздохнул Андрей, разведя руками.

* * *

В комнате Андрея царил привычный творческий хаос: книги, чертежи, детали приборов и остатки перекусов. Андрей рухнул на кровать и прикрыл глаза.

— Ну и денёк. Такого даже в страшных снах не видел.

Коля опустился на стул у окна.

— Я даже не знаю, что теперь делать. Все планы рухнули.

— Не переживай. Ещё можно всё исправить.

— Исправить? После того, что было у теплицы? Ты думаешь, Эмма когда-нибудь простит Беллатрис?

Андрей пожал плечами.

— Не знаю. Но сдаваться точно рано. Давай найдём кого-нибудь ещё в команду.

Коля покачал головой, глядя в окно.

— Нет. Никого искать не будем. Разберусь сам. Или… вообще брошу всё это.

— Ты серьёзно? — Андрей привстал. — Бросить Мост? После всего, что мы сделали?

Коля не ответил. Повисла долгая пауза.

— Слушай, — Андрей решил сменить тему. — А ты вообще представляешь, что там, в Ингреквихе, творится?

— Представляю. Ужас. Не могу вообразить, что чувствовали родители этих детей.

— И самое страшное — это могло случиться с любым из нас. Что Ксенвих, что Ингреквих — там самые одарённые дети мира. Кто-то их целенаправленно убил.

— Кто-то очень не хочет, чтобы мы учились, — мрачно сказал Коля. — Становились умнее.

— А может, просто случайность? Террористы какие-нибудь.

— Не думаю. Слишком всё продумано. И слишком много погибших. Это была спланированная акция.

Андрей поёжился.

— Жутковато.

Чтобы разогнать тяжесть, он снова сменил тему.

— Кстати, куда ты ходил после столовой? Говорил, надо уладить задачу.

Коля немного повеселел.

— А, это. Ты не поверишь. Я провернул гениальный план по привлечению Якова.

— Якова? Ты с ним разговаривал?

— Не совсем. Подкинул ему задачку. — И Коля рассказал, как написал на доске уравнения Моста, допустил нарочные ошибки и оставил ключевой момент нерешённым. — Он жадно вчитывался и что-то строчил в блокнот. Точно не устоит.

— Но зачем ему это? Он же нас терпеть не может.

— Вот именно поэтому. Он хочет доказать, что умнее. Что решит то, что не можем мы. Яков слишком самовлюблён, чтобы упустить такую возможность. Сам придёт.

Андрей задумался.

— Ну, посмотрим. Если захочет помочь — я не против. Лишь бы не зазнавался.

Коля усмехнулся, но тут же помрачнел.

— Хотя… после сегодняшнего спора, который он наверняка видел, пока следил за мной… Вряд ли он захочет лезть в такой змеиный клубок.

Андрей вздохнул.

— Да, пожалуй. Увидев, как наши чуть глаза друг другу не выцарапали, кто захочет работать в зоне боевых действий? Будем считать, с Яковом не вышло. Значит, рассчитываем на себя. И на Эмму. Если простит.

В комнате снова повисла тишина, тяжёлая, неопределённая.

И тут в дверь негромко постучали. Не дожидаясь ответа, она приоткрылась, и в щель заглянул Ашраф, их сосед по блоку, копт из Египта. Смуглое лицо выражало беспокойство.

— Эй, ребята, — произнёс он с сильным акцентом. — В холле… который связывает все параллели старших классов… там собрание. По поводу Ингреквиха. — Он запнулся, вспоминая название. — Все ждут. Только вас. Говорят, это важно. Очень.

Коля с Андреем переглянулись и выскочили из комнаты. Проходя, Коля запер дверь на ключ и шепнул:

— А то ходят тут всякие.

И покосился на учебник философии, лежавший на тумбочке у двери. Известный автор этого учебника, как выяснилось, был большим любителем наведываться по ночам в чужие комнаты.

Глава 11. Ряд Фибоначчи

Холл, обычно место для отдыха, сейчас напоминал взбудораженный улей. Здесь толпились почти все старшеклассники. Огромные окна, обычно светлые, казались тёмными и зловещими.

В центре, возвышаясь над толпой, стоял староста двенадцатых классов, Хоссейн, иранец. Чёрные глаза горели решимостью, голос, обычно мягкий, звучал властно.

— Всем успокоиться! — Он поднял руки. Заметив Колю и Андрея, рявкнул: — ТИХО! Начинаем!

Стало тихо.

— Мы собрались из-за трагедии в Ингреквихе. Мы потрясены гибелью наших товарищей. Но паниковать нельзя. Нам нужно понять, что произошло и почему. — Он обвёл взглядом зал. — Предлагаю разделиться на группы по десять человек. Берите соседей из пяти ближних блоков. Нужно выслушать как можно больше мнений.

Холл забурлил. Вскоре образовалось полтора десятка групп. Отдельная команда айтишников устроилась у окон с ноутбуками, чтобы мониторить сеть в поисках новостей.

Через час Хоссейн снова взял слово.

— Время подвести итоги. Пусть каждая группа выберет представителя.

Выступающие сменяли друг друга. В итоге выделилось три главных версии.

Первая, самая популярная: за резнёй стоит влиятельная антиглобалистская группировка, ненавидящая развитые страны. Предлагалось усилить охрану и сотрудничать с полицией.

Вторая: это конкуренты, другие элитные школы, решившие избавиться от соперников и занять первое место в научном мире. Тут предлагали завести собственную контрразведку.

Третья, самая радикальная: за всем стоит могущественная секретная организация, что контролирует мировую науку и рвётся к господству. Её сторонники призывали создать свою разведывательную сеть.

Когда отговорил последний, повисла напряжённая тишина.

И тут вперёд шагнул Коля.

— Прошу слова.

Хоссейн удивлённо кивнул.

— Я хочу обратить ваше внимание на один факт. Если расставить жертв по роду занятий, получается такая цепочка: один охранник, один сотрудник столовой, двое учителей, трое старшеклассников, пятеро учеников средней школы и девять — младшей.

В холле недоумённо переглядывались.

— А теперь посмотрите на начало ряда Фибоначчи, — продолжил Коля. — Один, один, два, три, пять, восемь. Число жертв в каждой категории точно совпадает с этим рядом. Кроме последнего. Вместо восьми младших — девять.

Зал зашумел.

— И что это значит? — крикнул кто-то. — Совпадение?

— Не знаю, — пожал плечами Коля. — Но это слишком странно, чтобы быть случайностью. Возможно, шифр. Послание, которое оставили убийцы.

Андрей, стоявший рядом, нахмурился.

— Слушай. А что, если ряд Фибоначчи — идеальная конструкция, а реальность всегда вносит поправку? Может, они планировали убить восьмерых младших, как по ряду, но в последний момент попался ещё один — и они не удержались.

— Возможно, ты прав, — задумался Коля. — Что-то в этих списках нечисто.

Хоссейн снова взял слово.

— Мнений много. Но главное — действовать. Предлагаю создать сеть из знакомых в других филиалах: в Йотахе, Вашинхе, Чукотохе. Пусть будут начеку и сообщают обо всём подозрительном. Если кто-то заметит улики — сразу ко мне или к директору. Только вместе мы защитим Ксенвих.

На этом собрание закрыли. Ребята расходились, обмениваясь контактами. В воздухе висела смесь тревоги и надежды.

Коля и Андрей остались в центре пустеющего холла.

— Надеюсь, это хоть что-то даст, — вздохнул Андрей. И, помолчав, тихо добавил: — Не по себе мне. Всё думаю об Ингреквихе. Двадцать один человек. Там были дети.

Коля положил руку ему на плечо.

Они подошли к большому камину в конце холла. Пламя потрескивало, отбрасывая на стены причудливые тени.

— Слушай, — сказал Коля. — А ты не думаешь, что за всем этим стоит кто-то изнутри? Кто-то, кто знает о нас всё?

Андрей вздрогнул.

— В смысле?

— Посуди сам. Они знали, где самые одарённые дети, знали расписание, знали, как обойти охрану. Это мог сделать только тот, кто хорошо знаком и с Ксенвихом, и с Ингреквихом.

— Ты про предателя среди нас?

— Ничего не исключаю.

Андрей помолчал. А потом вдруг проговорил:

— А ведь ты знаешь, кто лучше всех знает наши расписания и слабые места в охране? И в филиалах тоже — потому что заведует всем этим в главном корпусе.

Коля поднял брови.

— Ты про профессора философии?

— А кто ещё? Он вечно ходит по блокам, расспрашивает о всякой ерунде, интересуется проектами. И всегда такой загадочный. Будто что-то скрывает.

— Знаешь, — медленно сказал Коля, — в этом что-то есть. Вспомни, как он всё время говорит о морали. Может, он разочаровался в науке и решил остановить её любой ценой.

— А ещё он обожает историю. Особенно тайные общества и заговоры, — добавил Андрей. — Может, сам в такой организации и выполняет задание.

— Звучит как бред. — Коля смотрел в огонь. — Но кто знает, что у него на уме. В любом случае надо быть осторожнее. И держать его в поле зрения.

Погружённые в тревожные мысли, они вернулись в блок и разошлись по комнатам.

Коля первым делом запер дверь. Теперь он чувствовал, что доверять нельзя никому, даже самым близким. Он достал из ящика старый перочинный нож, раскрыл, проверил большим пальцем лезвие и положил под подушку. На всякий случай.

Он лёг. В голове роились мысли об Ингреквихе, о профессоре философии, о том, что ждёт впереди. Закрывая глаза, Коля думал об одном: как защитить себя и своих.

Глава 12. Нож под подушкой

Коле снился хороший сон: он спасал Эмму из лап дракона, а где-то вдалеке о его подвигах слагали легенды.

Резкий толчок в плечо вырвал его из этого мира.

Сознание ещё спало, но инстинкт сработал раньше. Рука выхватила нож из-под подушки. Коля рывком сел на кровати, ощетинившись в темноте, как зверь. Глаза не различали лица гостя. Только смутный силуэт.

С яростным рёвом он бросился вперёд, вцепился в чужое горло и прижал к стене, занеся нож.

— Ты кто такой?!

Из темноты раздался перепуганный, дрожащий голос:

— Николай… это я… Яков… Не надо… Я пришёл сказать… что хочу… с вами… в этот эксперимент… который ты писал у доски…

Вся спесь слетела с Якова, как пенка с молока, едва в лунном свете сверкнуло лезвие.

Коля узнал голос и медленно опустил руку. Осознание обрушилось на него холодным душем.

— Яков?!

Он нашарил выключатель. При свете лампы картина была достойна сюрреалиста: Яков Эльбала, гордость математического кружка, стоял помятый, с перекошенным галстуком и растрёпанными волосами, прижимая к груди листки с формулами. Глаза, обычно надменные, смотрели с мольбой.

В этот момент в комнату вихрем влетел Андрей, с бейсбольной битой наперевес.

— Что здесь творится?! Коля, ты цел?! — Он замер, увидев Якова у стены и нож в руке Коли. — Яков? Ты что тут делаешь?

— Я… хотел вас удивить, — пролепетал Яков, икая. — Взял ключ от блока… под ковриком…

Коля и Андрей синхронно хлопнули себя по лбу. Запасной ключ. Они заперли дверь от возможного убийцы и оставили ему дубликат на самом видном месте.

Нелепость обрушилась на всех троих разом. И вдруг, после пережитого страха, прорвался смех, сначала сдавленный, потом безудержный, истеричный, облегчающий. Андрей сполз на пол, держась за живот. Коля вытирал слёзы. Даже Яков робко заулыбался.

— Яков, — отсмеявшись, спросил Коля, — может, чаю? А то ты бледный как смерть.

* * *

Через несколько минут они сидели на кухне блока с горячими кружками. Яков поправил галстук и попытался вернуть себе надменный вид, но дрожь в руках всё ещё выдавала его.

— В общем, — прокашлялся он, — я нашёл ошибку в твоей формуле. Но не мог додуматься, какой формулой заканчивается твоя писанина. Видел, что ты знаешь решение. И не мог уснуть, пока не узнаю.

Коля усмехнулся, взял ручку и быстро набросал на листке:

— Вот. Это уравнение ведёт к этому графику, а из него — к этой конечной формуле.

Яков впился взглядом в записи и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Да как я сам не додумался! Это же элементарно! — Пауза. — Ладно. Но я же понимаю, что речь не только о теории. Ты собираешься это сделать. И набираешь команду. Я понял это, когда следил за тобой. И видел, что было у теплицы.

Коля кивнул.

— Да. Речь о перемещении сознания в параллельные миры. Теоретически возможно. Практически — нужны точные расчёты и слаженная команда. Я не против, чтобы ты к нам присоединился.

— Стоп, — Андрей протёр глаза. — Мы рады, что ты хочешь помочь. Но, Яков, никакой команды пока нет. Группа, как ты заметил, распалась, не успев собраться.

Яков немного поник.

— Понимаю. В любом случае — вот мой телефон. — Он протянул Коле клочок бумаги. — Понадоблюсь — звоните.

Надменность возвращалась к нему на глазах, будто кто-то надувал его изнутри. Он снова становился той самой звездой математического кружка, знающей себе цену.

Он поднялся, поправил пиджак.

— Мне пора. Спасибо за чай и объяснение.

И, кивнув на прощание, растворился в утренней тишине общежития, оставив Колю и Андрея наедине с нерешёнными проблемами.

Андрей вздохнул.

— Кажется, нам пора признать, что план с Мостом провалился.

Коля подошёл к окну. За стеклом просыпался Ксенвих.

— Я не собираюсь сдаваться, — сказал он, не оборачиваясь. — Слишком много вложено. — Он повернулся, и в глазах горел знакомый огонь. — Нам нужно заставить Беллу и Эмму работать вместе. Даже если они этого не хотят.

— Заставить? И как?

— Ещё не знаю. Но есть идея. Рискованная. — Коля чуть улыбнулся. — Ты со мной?

— Конечно, — не раздумывая кивнул Андрей. — Я всегда с тобой.

— Тогда давай спать. Завтра будет много работы.

* * *

В субботнее утро комната была залита мягким светом. Андрей проснулся и увидел Колю, свернувшегося калачиком в кресле у стола. Рядом громоздились книги и исписанные листки.

Заглянув через плечо друга, Андрей разглядел тщательно вычерченный план. Сверху было подписано: «Операция „Комната для двоих“». Ниже была схема административного корпуса и пошаговая инструкция по проникновению в кабинет замдекана по общежитиям, некоего мистера Шеймуса О’Нэлли, известного любовью к крепкому чаю и ирландской музыке.

Коля зашевелился и открыл глаза.

— Прости, что заснул тут. Всю ночь дорабатывал план.

— И что за план? Зачем нам к этому ирландцу?

— А вот зачем! — Коля вскочил. — Мы не будем заставлять Беллу и Эмму сотрудничать. Мы просто поселим их вместе.

Андрей нахмурился.

— Поселим вместе? Хочешь взломать систему распределения по общежитиям и запихнуть их в одну комнату? Да они же друг другу глаза выцарапают.

— Стерпится — слюбится. К тому же Эмма сама когда-то взламывала эту систему, чтобы жить одной. Значит, система дырявая. Мы просто чуть подправим данные.

— Но как мы доберёмся до ноутбука О’Нэлли? Административные корпуса охраняют как Форт-Нокс.

Коля хитро улыбнулся.

— О’Нэлли — человек привычки. Каждое утро в десять он уходит в кофейню пить чай. Ноутбук оставляет на столе, дверь запирает. Но кабинет — в старом крыле, а там замки оставляют желать лучшего.

— Откуда ты это знаешь? — прищурился Андрей. — Ты что, следил за ним?

Коля слегка покраснел.

— Ну… вроде того. В целях подготовки. Занимал столик рядом в кофейне, делал вид, что читаю. Узнал, что он обожает группу «The Dubliners», терпеть не может лишнее молоко в чае. И что оставляет ноутбук без присмотра ровно на пятнадцать минут. Нам хватит.

— Ты даже время засекал?

— Должен же я был убедиться, что план сработает.

Андрей покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать.

— Знаешь, Коль, иногда мне кажется, что дружба со мной плохо на тебя влияет.

* * *

Административный корпус в субботнее утро был пуст. Они крадучись пробрались к кабинету. На двери висела табличка: «Заместитель декана по работе в общежитиях — мистер Шеймус О'Нэлли».

Заняв позицию в тени, они стали ждать. Минут через десять в коридоре показался О'Нэлли, невысокий, плотный, рыжий, с добродушным лицом. Напевая ирландскую мелодию, он вошёл в кабинет, через пару минут вышел, запер дверь и, всё так же напевая, двинулся к выходу.

— Ну что, приступаем? — Андрей достал набор отмычек.

— Да. Только быстро. У нас пятнадцать минут.

Через несколько мгновений раздался тихий щелчок.

— Готово.

Кабинет был обставлен скромно, но уютно: фотографии Ирландии, портреты писателей, старый проигрыватель, стопка винила. На заваленном бумагами столе стоял ноутбук и недопитая чашка чая с молоком.

Коля запустил машину. Загрузка тянулась мучительно.

— Давай быстрее! — нервничал Андрей у двери. — Осталось минут десять.

— Не мешай! Так я точно ничего не найду.

Коля лихорадочно перебирал папки, пока не наткнулся на нужную: «Students_Housing_Allocation».

— Вот оно!

Он открыл базу, нашёл записи Беллатрис и Эммы, поменял номер комнаты и сохранил.

— Готово. Уходим.

Едва Андрей шагнул в коридор, как в его конце мелькнула знакомая рыжая шевелюра. О'Нэлли. И не один: рядом шёл профессор философии. Тот самый, которого Коля подозревал.

— Коля, назад! — прошипел Андрей, втаскивая друга обратно.

Они едва успели захлопнуть дверь. Единственным укрытием оказался старый шкаф, забитый хламом. Они протиснулись внутрь, в самый угол, стараясь ничего не задеть. Пахло пылью и плесенью.

Дверь кабинета распахнулась.

— Что-то я не помню, чтобы оставлял дверь открытой, — пробормотал О'Нэлли. — Наверное, замотался.

Он пропустил вперёд философа.

* * *

— Но, Шеймус, я настаиваю! — раздался раздражённый голос философа. — Это бесчеловечно. Девочка приехала из Нубии, не привыкла к нашему климату. Ей нужен первый этаж, поближе к выходу.

— Профессор, я понимаю, — устало ответил О'Нэлли. — Но свободных комнат на первом этаже нет. Все заняты.

— Мы можем кого-нибудь переселить! Это вопрос гуманности. Это же Абиба! Милая, талантливая девочка.

— Все решения по распределению принимает система. Я не имею права вмешиваться.

— Правила созданы для того, чтобы их нарушать, когда речь идёт о справедливости! — презрительно бросил философ.

— Довольно. Я не намерен это обсуждать. Изложите предложение письменно. А сейчас простите, мне нужно работать.

Философ поджал губы.

— Вы просто трус, Шеймус. Трусливый бюрократ. — И, хлопнув дверью так, что содрогнулись стены, вышел.

О'Нэлли тяжело вздохнул, потёр переносицу и сел за стол, углубившись в папку с надписью «Список абитуриентов — 2026».

В шкафу Коля и Андрей не дышали. Незапертая дверь, подозрительный философ, умирающие минуты сплелись в тугой узел.

И тут зазвонил телефон О'Нэлли. Незнакомый номер.

— Алло? — Он слушал молча, лишь изредка вставляя короткие фразы. — Что? Кто вы? О чём вы говорите? Не смейте мне угрожать! — Пауза. — Что?! Переселить всех — Абибу, французов, англичан, немцев, шведов, американцев — на первый этаж? Вы бредите! — Ещё пауза, и злобно: — Это вы, профессор? Хватит бредней!

Он сбросил вызов. Тяжело дышал. Через минуту телефон зазвонил снова. Тот же номер. О'Нэлли, будто зачарованный, медленно поднял трубку.

— Чего вам ещё?

Пауза. Его лицо исказилось от ужаса.

— Что?! Моя дочь и жена у вас?! — Он схватился за сердце. — Не смейте их трогать! Я вызову полицию!

Оглушающая тишина. А затем из динамика донёсся приглушённый звук выстрела.

— Что вы сделали?! — сорвался на визг О'Нэлли.

Из трубки долетели крики и детский плач, искажённые помехами. А потом тихий, холодный, будто синтезированный голос произнёс без всякой эмоции:

— Ваша жена мертва.

Девочка по ту сторону плакала. Для голоса это была просто констатация факта, так, словно женщина ничего не значила. Коля и Андрея пробрала дрожь.

О'Нэлли застыл, по щекам потекли слёзы. Не раздумывая, шатаясь, он бросился к ноутбуку и дрожащими руками начал менять данные, перемещая всех студентов из названных стран на первый этаж. Закончив, обессиленно откинулся на спинку.

— Я всё сделал… — пробормотал он в пустоту.

Телефон зазвонил снова.

— Да? — прошептал он, сломленный.

Сквозь деревянную дверцу шкафа голос резал слух:

— Хорошо, Шеймус. Ты сделал правильный выбор. Твоя дочь будет отпущена. Её оставят у заброшенного монастыря святого Николая, на окраине Ниша. Проследи, чтобы об этом никто не узнал. Иначе пожалеешь. Твой сын ведь учится в школе номер сто двадцать четыре, правда?

Звонок оборвался. О'Нэлли застыл посреди кабинета, как парализованный.

Тишина после звонка давила на уши. Андрей и Коля слышали только его прерывистое дыхание. Вдруг раздался глухой стук. Потом ещё один. Что-то упало на пол.

Дверца шкафа, задетая чем-то, чуть приоткрылась. Сквозь щель они увидели, как О'Нэлли сползает по стене, хватая ртом воздух. Лицо побагровело, глаза закатывались. Он судорожно дёргался, но воздух не шёл в лёгкие.

Андрей и Коля в ужасе переглянулись. Ирландец умирал.

И вдруг его взгляд упал на щель. Глаза расширились. Дверца распахнулась и О'Нэлли увидел перед собой двух перепуганных мальчишек.

— По… помогите… — прохрипел он, силясь дотянуться.

Глава 13. Монастырь святого Николая

Коля и Андрей выскочили из шкафа и опустились на колени рядом с ним.

— Мистер О'Нэлли, что с вами? — взволнованно спросил Андрей.

Ирландец схватил его за руку и сжал с невероятной силой.

— Моя… девочка… Спасите… её…

— Где она? — Коля старался говорить спокойно. — Скажите, мы поможем.

О'Нэлли с трудом поднял руку и указал на стол.

— Ключи… от… машины… Там… адрес… Монастырь… святого… Николая… Пожалуйста…

Хватка слабела. Коля поднёс пальцы к его шее и одними губами сказал Андрею:

— Пульса нет.

Глаза О'Нэлли закатились, тело обмякло. Он перестал дышать.

Они молча смотрели на него. В комнате стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов.

— Что… что мы натворили? — Голос Андрея дрожал.

— Я не знаю, — пробормотал Коля, бледный как полотно. — Мы просто хотели помирить Беллу и Эмму… А теперь…

— Нужно звонить в скорую! — Андрей вскинулся.

— Ты с ума сошёл? Нас тут же схватят. Что мы им скажем — что делали в его кабинете? Что слышали? Никто не поверит.

Андрей осёкся. В словах была правда.

— И что, просто оставим его лежать?

Коля заставил себя взять себя в руки.

— Нет. Мы поедем за его дочерью. Это последнее, что мы можем для него сделать. Ей семь лет, и она сейчас одна у заброшенного монастыря. Давай хотя бы сделаем так, чтобы сегодня умер только один человек.

Андрей долго молчал, глядя на друга. В его глазах была решимость, и он понимал, что Коля прав.

— Ладно. Я с тобой. Но мы должны быть очень осторожны.

Они оглядели кабинет. Нужно было найти ключи и адрес, и сделать это быстро.

— Ты ищи ключи, — твёрдо сказал Андрей, доставая телефон. — А я позвоню.

— Кому?

— Эмме. Ей нужно знать. Она единственная, кто может помочь.

— Ты забыл, что мы в ссоре?

— Не вижу другого выхода.

Он набрал номер. Гудки тянулись мучительно долго. Наконец Эмма ответила. Голос был холодный:

— Что тебе нужно, Андрей?

— Эмма, мне нужна твоя помощь. Это не то, что ты думаешь. Я не могу объяснить по телефону. Приходи в кабинет О'Нэлли как можно скорее. И возьми с собой Беллатрис.

— Беллатрис? Зачем тебе эта стерва?

— Просто поверь. Вам обеим нужно быть здесь. Чем быстрее, тем лучше.

Пауза.

— Что ж. Заинтриговал. Ждите.

Она сбросила трубку. Андрей выдохнул.

Коля тем временем рылся в бумагах. Наконец выпрямился, подняв над головой связку.

— Нашёл! Ключи от машины. И пропуск в Ксенвих, с его фотографией. Пригодится.

Андрей кивнул, взглянул на часы.

— Уходим. Эмма может появиться в любую минуту.

Они стёрли следы своего пребывания и выскользнули в коридор. В здании было по-прежнему тихо: суббота, почти все по домам. Пригибаясь, они добежали до парковки. Машина О'Нэлли стояла в дальнем углу у забора, старый, потрёпанный чёрный «Опель» с помутневшими фарами.

— Я поведу, — заявил Коля, дёргая водительскую дверь.

— С чего вдруг? Ты же вообще не умеешь водить!

— Зато я знаю дорогу в Ниш. Я из той местности. Часа четыре ехать.

— Дорогу покажет навигатор. А вести должен тот, кто умеет. Садись и показывай путь.

Коля недовольно нахмурился, но спорить не стал. Андрей завёл двигатель. «Опель» заворчал, и они двинулись к выезду.

На пропускном пункте стоял охранник.

— Если он нас узнает — конец, — прошептал Коля.

— Сохраняй спокойствие. Покажем пропуск. Палец на фотку положи. Этот охранник у нас всего месяц работает — я на днях на дискотеку в город ходил с чужим пропуском.

Коля опустил стекло и протянул пропуск. Охранник скользнул взглядом, глянул на Колю и лениво махнул рукой.

Они выехали за ворота и нажали на газ.

— Почему он нас не задержал? — спросил Коля, когда Ксенвих остался позади.

— Может, зрение плохое. Или лень. Нам повезло.

— Или он в сговоре с теми, кто звонил, — Коля смотрел в окно. — Слишком уж легко вышло.

— Не накручивай. Сейчас главное — найти девочку.

* * *

Ксенвих, крепость знаний на холме, стоял в окружении густого леса, у озера Палич, на севере Сербии, недалеко от Суботицы. Сейчас, после всего, что произошло, это место казалось зловещим.

Они выехали на трассу, ведущую на юг, к Нишу. По сторонам тянулись бескрайние поля и редкие деревни. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багрянец.

— Как думаешь, что нас там ждёт? — спросил Андрей.

— Ничего хорошего. Всё слишком подозрительно.

— Ты всё ещё думаешь на философа?

— Возможно. Но кто бы это ни был — он опасен. И что-то скрывает.

Долгая дорога давила на нервы. Наконец Коля не выдержал:

— Слушай. Беллатрис — зачем она там?

— Нам нужна помощь. Она внимательная, замечает то, чего не видят другие.

— А Эмма, по-твоему, не сможет? — в голосе Коли прорезалась ревность.

— Не начинай. Дело не в том, кто сможет. Просто Белла умеет копаться в деталях, вынюхивать улики. Может, заметит что-то, что укажет на философа.

Коля замолчал, глядя в окно.

— И ещё, — вдруг сказал Андрей. — Может, всё-таки рассказать ректору? Он доверчивый, он бы вызвал полицию, спецслужбы…

— Ни в коем случае, — резко перебил Коля. — Ты забыл, что сказал голос? «Проследи, чтобы об этом никто не узнал. Иначе пожалеешь». И про сына в школе сто двадцать четыре. Они за ним следят. Расскажем кому-нибудь — его убьют.

Андрей побледнел.

— Чёрт. Ты прав. Я забыл.

— Сейчас главное — спасти дочь О'Нэлли и не подставить сына. Сосредоточься на том, что нас ждёт в монастыре.

Темнота за окном сгущалась. Наконец впереди, как призрак, показались размытые очертания. Андрей съехал на грунтовую дорогу, ухабистую и пыльную, и заглушил двигатель. В тишине было слышно, как вдалеке воет ветер.

Они вышли. Андрей достал из багажника небольшую монтировку. Перед ними возвышался заброшенный православный монастырь: несколько веков от роду, стены в трещинах, провалившаяся местами крыша, заколоченные окна.

Главные ворота были заперты на ржавый замок. Обойдя стену по периметру, они нашли в углу небольшое отверстие.

— Кажется, оно, — прошептал Коля. — Но… погоди. Монастырь всё-таки.

Он остановился, трижды перекрестился, читая про себя короткую молитву. Андрей последовал его примеру, мысленно прося прощения за монтировку.

Пробравшись через лаз, они оказались во внутреннем дворе. Полумрак разгонял лишь тусклый лунный свет сквозь прорехи в крыше. Пахло сыростью, плесенью и едва уловимым ладаном. Со стен смотрели полустёртые лики святых, чудом уцелевшие иконы хранили отблеск былой святости.

И вдруг тишину разорвал тихий, жалобный детский плач.

— Это она, — прошептал Андрей. — Дочь О'Нэлли.

Они двинулись на звук. В полумраке на полу сидела девочка лет семи, с заплаканным лицом, прижавшись к телу женщины, лежавшей рядом. Женщина была мертва: у сердца виднелось пулевое отверстие, окружённое запёкшейся кровью.

— Не подходите! — закричала девочка, вздрогнув. — Не трогайте нас!

Коля стиснул кулаки.

— Привезли труп в святое место. Изверги.

Они медленно подошли.

— Эй, малышка, — Андрей присел на корточки и положил монтировку на пол. — Мы не хотим зла. Мы друзья твоего папы. Он послал нас забрать тебя.

Девочка перестала всхлипывать.

— Вы друзья папы? А где он? Почему не приехал сам?

— Он не смог. Но попросил нас позаботиться о тебе. — Андрей старался подбирать слова. — Как тебя зовут?

— Милица.

— Красивое имя. Я Андрей, а это Коля. Нам пора, Милица. Здесь опасно.

Она немного поколебалась, потом взяла Андрея за руку и поднялась.

Коля всё стоял над телом женщины.

— Я не могу оставить её здесь, — сказал он. — Это святое место. Нельзя, чтобы она тут лежала.

Андрей вздохнул, понимая.

— Ладно. Я помогу.

Они вынесли тело во двор, к ракитам. Коля достал из багажника складную лопату и выбрал полянку под старым деревом. Земля была мягкой, будто сама природа сочувствовала. Он копал, не останавливаясь, заглушая работой боль и гнев. Андрей стоял рядом, обнимая Милицу и стараясь оградить её от тяжёлой картины.

Когда могила была готова, они опустили тело. Лицо Елены (так звали мать, сказала Милица) было спокойным.

— Может, стоит что-то сказать? — тихо спросил Андрей.

Коля поднял глаза к небу.

— Я не знаю особых молитв. Но помню, как читала бабушка. — Он глубоко вздохнул и начал дрожащим голосом: — «Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Елены, и прости ей все согрешения вольные и невольные, и даруй ей Царствие Небесное…»

Андрей подхватил. Милица, услышав знакомые слова, зашептала их вслед, будто пытаясь удержать ускользающую связь с матерью. Каждый бросил в могилу по горсти земли, а девочка положила в ноги матери несколько полевых цветов.

Когда могилу засыпали, они установили над ней маленький деревянный крест, найденный среди обломков.

— Мы найдём тех, кто это сделал, — прошептал Коля. — Я обещаю.

Они сели в машину. Милица, утомлённая, сразу уснула на заднем сиденье. Андрей накрыл её пиджаком и выехал на трассу. В зеркале заднего вида монастырь растворялся в темноте.

Глава 14. Дядя Леша

Коля вдруг достал телефон и начал набирать номер.

— Ты что делаешь? — удивился Андрей. — За нами же могут следить!

— Следят по телефону О'Нэлли, а не по нашим. И за сыном его нам не уследить. И Милицу надо куда-то пристроить — в Ксенвихе её не спрячешь. Я звоню дяде Лёше.

— Какому дяде Лёше?

— У меня дядя в ФСБ работает. Он поможет. И его-то точно не прослушивают.

— В ФСБ?! Ты хочешь рассказать обо всём этом фээсбэшнику?!

— Успокойся. Дядя Лёша — свой человек.

Пошли гудки.

— Дядя Лёша? Это я, Коля. Послушай, тут такое дело… — И он коротко рассказал про О'Нэлли, угрозы, монастырь, мёртвую женщину и спящую на заднем сиденье девочку.

Из динамика раздался крик:

— Коля! Ты что творишь?! Ты хоть понимаешь, во что ввязался?! Это может быть связано с международным терроризмом!

— Дядя Лёша, нам нужна помощь. Мы не знаем, что делать с девочкой. И как защитить сына О'Нэлли.

Пауза. Потом, уже спокойнее:

— Ладно. Приезжайте ко мне. Я знаю место, где Милица будет в безопасности. И о сыне ирландца позабочусь.

Он назвал адрес и добавил:

— Будьте осторожны. За вами могут следить. Не доверяйте никому.

* * *

Это был обычный жилой дом в спальном районе. Они разбудили Милицу и поднялись на нужный этаж. Дверь открыл крупный мужчина с суровым лицом.

— Здравия желаю, дядя Лёша.

Он пропустил их внутрь. В квартире пахло домашней едой и лекарствами.

— Это Андрей, мой друг. А это Милица.

— Алексей, — он пожал Андрею руку, потом ласково улыбнулся девочке. — Здравствуй, малышка. Не бойся, здесь тебе будет хорошо.

Он усадил их и выслушал весь рассказ, не перебивая, лишь изредка уточняя.

— Да, — сказал он наконец. — Влипли вы по самые уши. Но разберёмся. Самое главное сейчас — безопасность Милицы. Я знаю место, где её никто не найдёт. А вам нужно уезжать. Чем скорее, тем лучше. За вами наверняка следят.

— А что с О'Нэлли? И с его сыном?

— Если ирландец выживет, им займутся компетентные органы. А о сыне я позабочусь. Не волнуйтесь.

Милица, устав от переживаний, уже спала на диване.

— Спасибо, дядя Лёша, — сказал Коля, пожимая ему руку у двери.

— Просто будьте живы. И не лезьте больше ни в какие авантюры.

* * *

Дорога обратно казалась бесконечной. Внезапно зазвонил телефон Андрея. На экране высветилось: «Эмма».

— Андрей, ты совсем охренел?! — обрушилось на него. — Прихожу в кабинет этого О'Нэлли, а там труп! Кровь, синюшное лицо! Беллатрис чуть в обморок не хлопнулась!

— Эмма, тише…

— Я вызвала скорую, полицию! Вас, конечно, не упомянула! А ты где шляешься?! — Внезапно её тон переменился. — Ладно, слушай. Он… он жив!

— Жив?! Как это возможно?

— Помнишь, я рассказывала про стажировку в кардиологии? Я сразу поняла — тампонада сердца. Сделала перикардиоцентез, откачала жидкость. Потом сердечно-лёгочную реанимацию. Он жив! Но в тяжёлом состоянии, в реанимации. Была клиническая смерть.

Андрей на секунду онемел.

— И ты его спасла?

— Получается, так. А значит, вы оба мне должны. И ты всё расскажешь. Чтобы через четыре часа Коля был тут. Он вообще рядом? С ним всё хорошо?

— Нормально всё с твоим Коленькой. Успокойся.

Он сбросил вызов и пересказал всё Коле.

— Выходит, у нас теперь есть союзник, — прошептал тот. — И свидетель. Если выживет.

За час до Ксенвиха Андрей съехал на просёлок и остановил машину в лесу.

— Не хочу рисковать на КПП во второй раз. И не знаю, куда деть машину. Пройдём пешком.

Он позвонил дяде Лёше, попросил забрать «Опель» и оставил ключи под ковриком. Затем они двинулись через тёмный лес к Ксенвиху.

У забора их ждала странность.

— Директор же говорил, что сегодня усилят охрану, — нахмурился Андрей. — А тут ни души.

Они нашли в заборе дыру и пролезли внутрь. Ночной Ксенвих казался вымершим, как декорация к фильму ужасов. В окнах их блока горел свет, значит, их ждали.

Тихонько открыв дверь, Андрей пропустил Колю вперёд.

Эмма, сидевшая на диване с видом разъярённой фурии, вдруг сорвалась с места и вместо того, чтобы отчитать, крепко обняла Колю.

— Коля! Живой! И целый! — Она тут же отстранилась, оглядела его с ног до головы. — Ты хоть понимаешь, как я переволновалась?! Думала, потеряла свою любимую занозу в заднице!

Потом покраснела, резко повернулась к Андрею, и глаза её сверкнули.

— А вот тебе, умник, сейчас будет взбучка! Я чуть не звонила твоей матери! И Беллатрис из-за тебя чуть концы не отдала!

— Ну, прости, — виновато пробормотала Беллатрис из угла.

— А ещё, — продолжила Эмма, — я вас прикрыла перед Хоссейном. Еле уговорила поставить галочку, что вы на месте. Сказала, что в библиотеке сидите, к экзамену готовитесь. Так что с вас объяснения. И без вранья. Иначе лично сдам полиции.

Глава 15. Союзники

Коля глубоко вздохнул и рассказал всё по порядку: звонок О'Нэлли, угрозы, монастырь, смерть Елены, дядя Лёша, Милица в безопасном месте. Эмма и Беллатрис слушали молча. На их лицах сменялись удивление, страх и сочувствие.

— И что теперь? — спросила Эмма, когда он закончил.

— Пока залегаем на дно. Ждём, пока О'Нэлли придёт в себя.

— А если не придёт? — тихо спросила Беллатрис.

— Будем действовать по обстоятельствам, — ответил Андрей. — Но так это не оставим.

— Вы же обычные школьники, — скептически сказала Эмма. — Против вас целая преступная организация.

— Что-нибудь придумаем.

Эмма потёрла переносицу.

— Ладно. Я вам верю. Но в следующий раз, когда решите спасать мир, предупреждайте заранее. У меня сердце не выдержит. — Она зевнула. — Всё, хватит соплей. Коля, за мной. Надо поговорить.

Коля послушно двинулся следом, а Андрей и Беллатрис остались в комнате вдвоём.

* * *

Комната Эммы оказалась совсем не такой, какой Коля её представлял. Уютной, но обычной: плакаты рок-групп, фотографии с друзьями, разбросанные учебники и косметика. Никаких намёков на тайную жизнь спасительницы.

— Чай будешь? Ромашковый. От нервов самое то.

Чай пах луговыми травами. Эмма устроилась на кровати, наблюдая, как он делает первый глоток.

— Не отравила?

— Вкусно. Спасибо.

Они помолчали.

— Слушай, — начал Коля, отставив чашку. — Я всё думал. Помнишь, философ добивался, чтобы Абибу переселили на первый этаж? А теперь вспомни, что сказал голос в трубке: «Твой сын ведь учится в школе сто двадцать четыре?»

Эмма нахмурилась, связывая факты.

— И что ты хочешь сказать?

— Что голос знал, где учится сын О'Нэлли. И тоже хотел, чтобы кто-то оказался поближе к выходу. Понимаешь?

— Логично. Но зачем это нашему профессору?

— Может, ему что-то нужно от Абибы. В общем, мне кажется, он замешан. И нам надо поговорить с ней.

Эмма вздохнула.

— Я бы тоже хотела, чтобы это оказался он. Тогда всё было бы проще. Но у нас одни подозрения. А с подозрениями далеко не уедешь. — Она помолчала, и взгляд её потеплел. — Доказательства — дело наживное. Слушай, а чего это Беллатрис сегодня такая паинька? Обычно искры из глаз мечет.

— Не знаю. Может, испугалась. Или почувствовала вину.

— Беллатрис и вина — это что-то новенькое. — Эмма усмехнулась, задумчиво глядя в окно. — Хотя знаешь… мы с ней немного сблизились. После того как я откачала её от обморока в кабинете, она стала вести себя человечнее.

— Ты и Беллатрис? Да вы же друг друга на дух не переносите.

— Всякое бывает. Может, у неё защитный механизм сломался. Или просто увидела, что я не такая уж плохая. В общем, теперь у нас ещё один союзник. Или хотя бы человек, который не будет мешать. А это немало.

Коля уже направился к двери, но остановился.

— Эмма. А ты теперь и над Мостом с Беллатрис согласишься работать?

Вопрос прозвучал резче, чем он хотел.

— С чего ты взял? — Эмма отвела взгляд. — Одно дело общаться, другое — работать вместе. Я подумаю. Но ничего не обещаю. — Она положила руку ему на плечо. — Не дави на меня. И вообще, нам сейчас важнее спасти О'Нэлли и защитить Милицу. Это важнее Моста.

— Ты права. Я просто волнуюсь.

— Я тоже. Но мы справимся. Вместе. — Она обняла его на прощание. — Спокойной ночи, Коля. Постарайся уснуть.

* * *

Тем временем Андрей, помешивая остывший чай, украдкой поглядывал на Беллу. Она сидела на краешке его кровати, спиной к нему, и смотрела в окно.

— Зачем ты меня позвал? — спросила она, обернувшись. — Не думаю, что просто попить чаю.

— Да, ты права. Мне нужна помощь. Ты умная. Можешь помочь разобраться во всём этом.

— Льстишь.

— Говорю, что думаю. Я хочу, чтобы те, кто это сделал, заплатили.

— Месть — удел слабых, — усмехнулась Белла. — А вот ум и хитрость — нет. В лоб их не возьмёшь. — Она встала, подошла к окну. — Тебе нужно узнать, кто за всем стоит. И у меня есть идея. — Она обернулась и посмотрела на него долгим взглядом. — Ты ведь знаешь Абибу? Ту, которую философ так настойчиво хотел переселить на первый этаж. Я думаю, она что-то знает. Чувствую. У меня хорошая интуиция.

— И что ты предлагаешь? Подойти и спросить: «Привет, Абиба, ты не знаешь, кто чуть не убил О'Нэлли?»

— Не будь наивным. — Белла закатила глаза. — Тебе нужно сблизиться с ней. Подружись. Завоюй доверие. Выясни, что она знает.

— И что я получу взамен?

— Информацию. И, возможно, шанс отомстить.

Андрей задумался. План был рискованный. Но другого не было.

— Ладно. Я согласен. Что делать?

— Это уже моя работа. Я придумаю, как тебя с ней свести. А ты просто будь собой. — Она открыла дверь. — А теперь мне пора. Спокойной ночи.

И вышла, прежде чем он успел ответить.

Андрей смотрел на закрывшуюся дверь. Дружить с кем-то, чтобы использовать? Это было мерзко. Но если это поможет выйти на след убийц…

Дверь снова открылась. На пороге стоял Коля с нескрываемым любопытством.

— Белла? Она что, была у тебя всё это время? Опять тебя соблазняла?

— Не неси чушь. Мы разговаривали.

— Да ладно заливать. Я же вижу, как ты на неё смотришь. Ты в неё втюрился по уши.

Андрей вздохнул.

— Да, может, и втюрился. И что с того?

— О, сознался! — торжествующе ткнул пальцем Коля. — Я же говорил!

— Главное, чтобы делу не мешало, — буркнул Андрей. — Она предложила мне сблизиться с Абибой. Говорит, та может что-то знать.

— Серьёзно? Я как раз это предложил Эмме.

— Гении мыслят одинаково, — усмехнулся Андрей.

Коля помолчал, и в глазах мелькнула тревога.

— Будь осторожен, Андрюха. Ты всегда можешь поговорить со мной, если это начнёт давить. Я на твоей стороне. Что бы ты ни решил. — Он улыбнулся. — Знаешь, по-моему, ты расстроен не из-за того, что придётся любезничать с Абибой. А из-за того, что боишься: Белла доверила тебе этот план не потому, что доверяет тебе, а потому, что если всё сорвётся — она будет не у дел.

— Возможно. — Андрей пожал плечами. — Но спасибо ей, что помогает и не бросила нас после всей этой заварухи.

Коля вдруг оживился.

— Знаешь, брат, Беллатрис сложная, но не бессердечная. Я видел, как она возится с бездомными котами у заднего входа. И называет их именами учёных — вчера подкармливала какого-то облезлого «Фарадея». А в прошлом месяце всю ночь чинила спектрометр для младшеклассников. Ворчала, что они «тупые как пробки», но сделала всё идеально. Просто не умеет показывать, что ей не всё равно.

Андрей рассмеялся.

— То есть ты предлагаешь мне расслабиться и наслаждаться, пока она меня терзает?

— Скорее, доверять её инстинктам. Да, она будет толкать тебя в пропасть. Но сначала точно рассчитает длину троса.

Они засмеялись, и напряжение в комнате наконец рассеялось.

— А если что — я рядом, — сказал Коля у двери. — И Эмма тоже. Мы ведь одна команда, правда?

Когда дверь закрылась, Андрей лёг в кровать с неожиданно лёгким сердцем. За окном пролетела сова, в коридоре послышался знакомый стук: сторож делал обход. На этот раз Андрей уснул почти сразу, и даже во сне его губы хранили лёгкую улыбку.

Глава 16. Чёрный рынок

Солнце ещё не успело взойти, когда Андрей бесцеремонно ворвался в комнату Коли. Для многих воскресенье было священным временем сна, но только не для Андрея, когда в голове роились планы.

— Подъём, соня! Хватит дрыхнуть, дел невпроворот!

— Отстань, — простонал Коля, натягивая одеяло. — Дай поспать хоть в выходной.

— Какой сон, когда у нас кризис на носу? — Андрей сдёрнул одеяло. — Финансовый.

Коля раздражённо сел.

— Какой ещё финансовый? У нас вроде всё нормально с деньгами.

— Нормально? Да у нас скоро на хлеб не хватит. — Андрей прищурился. — И у меня есть идея, как поправить дело. Помнишь, мы немного позаимствовали реактивы из химкабинета?

Лицо Коли вытянулось.

— Ты предлагаешь их продать? Ты совсем с ума сошёл? Это незаконно!

— Да кому какое дело до каких-то реактивов? Фторид иттрия, нитрат вольфрама. На чёрном рынке за них дадут неплохие деньги. А фторида для Моста почти не надо. Ну, Коль, мы же ради общего дела.

— Нет. Мы гении. Эмма вон под свой прошлогодний проект компанию для поиска инвесторов запустила. Что-нибудь подвернётся. А во всё это лезть не будем.

Андрей вздохнул, развернулся к двери.

— Ладно. Как знаешь. Я хотел как лучше.

— Стой. — Коля задержал его. В конце концов, денег на Мост не хватало. — Ладно. Согласен. Но с одним условием: продажей занимаюсь я. А ты не вмешиваешься.

— Договорились. — Андрей пожал ему руку, скрестив за спиной пальцы. — Я тебе полностью доверяю.

* * *

Старый корпус мастерских давно пустовал. Здесь Андрей держал мотоцикл и кое-что «полезное», вынесенное из лабораторий. Он отодвинул груду инструментов и достал из тайника несколько склянок.

— Аккуратнее, — прошипел Коля. — Это тебе не картошка.

— Не волнуйся. Я знаю, что делаю. — Андрей сложил склянки в потёртый рюкзак. — Ну что, поехали?

Рёв мотоцикла разнёсся по территории. На КПП скучал охранник.

— Куда в такую рань?

— Да нужно кое-что купить в городе, — Андрей старался говорить непринуждённо. — Вернёмся к обеду.

Охранник мельком глянул на документы и махнул рукой.

— Езжайте. Только не задерживайтесь. Директор в обед усилит охрану.

За воротами Коля выдохнул.

— Пронесло! Я думал, сердце выскочит.

— Главное — не показывать страх. Вообще-то по правилам выходить нам можно. Проблема — выехать на мотоцикле. Травмоопасно и всё такое.

— А вчера на машине ты тоже «ссыковал».

— На не нашей машине, — уточнил Андрей.

* * *

Ниш встретил их гулом, запахом жареного мяса и дизеля. После стерильного Ксенвиха базарная суета казалась глотком свежего воздуха, пусть и с примесью смога. Андрей чувствовал себя здесь как рыба в воде и уверенно вёл Колю за собой.

— Не глазей по сторонам. Держись ближе.

Они свернули в неприметный проход, ведущий в тёмный двор. Здесь атмосфера была другая: настороженная. Несколько угрюмых фигур курили, опираясь на стены. Навстречу вышел невысокий мужчина с кривым шрамом.

— Вы по объявлению?

— Да. У нас есть кое-что интересное.

Их провели в тесное помещение, освещённое тусклой лампой. За столом сидел толстый мужчина с залысинами.

— Вот они, Михалыч. Привезли товар.

Андрей выложил склянки. Михалыч взял одну, осмотрел.

— Фторид иттрия. Хорошая вещь. — Он сверился со списком. — Всё на месте. Сколько хотите?

Андрей назвал сумму. Михалыч поморщился, но отсчитал деньги.

— Забирайте. Надеюсь, не последняя встреча. У нас всегда спрос на хорошие реактивы.

И тут Коля, молчавший в стороне, вдруг выпалил:

— Да, только мы больше воровать не будем! Нам эти реактивы для Моста нужны. А воровать — отвратительно!

Андрей похолодел. Что он несёт? И молниеносно закрыл Коле рот ладонью.

— Простите за него. Заговаривается. Перенервничал.

Михалыч приподнял брови, но смолчал. Мужчина со шрамом подозрительно прищурился.

— Ну, если всё, — заторопился Андрей, — то мы пойдём. Спасибо за сделку.

Он схватил Колю за руку и потащил к выходу. На улице зашипел:

— Ты совсем идиот? Зачем ты это сказал? Понимаешь, чем могло кончиться?

— Прости, — Коля виновато опустил голову. — Я не хотел. Просто не люблю врать.

Андрей потёр переносицу.

— Что сделано, то сделано. Главное — живы и с деньгами. Но в следующий раз держи язык за зубами. — Он помолчал. — Ладно. Теперь нужно кое-что разузнать. Про того, кто заказал смерть О'Нэлли. И для этого нам в одно местечко.

* * *

Бар «У Крюка» оправдывал название. Обветшалое здание с покосившейся вывеской нависало над тёмным переулком. Пахло перегаром, дешёвыми сигаретами и чем-то ещё, что Коля не мог распознать, но что не предвещало ничего хорошего.

Внутри было душно. За стойкой стоял бармен и, увидев Андрея, расплылся в улыбке.

— Андрейка! Сколько ж я не видел твою наглую рожу!

— Горыныч! Виски. И что-нибудь покрепче.

Андрей протянул банкноту из тех, что получил на рынке. Бармен отодвинул её.

— Убери. Если бы не ты, я бы тут не стоял. Здесь тебе всегда рады.

— Мы, правда, скорее за информацией. — Андрей отпил и небрежно обвёл взглядом зал. — Слушай, Борис. Не знаешь чего про семейство О'Нэлли?

Бармен замер. В глазах мелькнул страх, который он тут же спрятал.

— Какое семейство? Я тут много кого вижу.

— Не прикидывайся. Похитить мать с ребёнком — это не по понятиям. Такие дела тихо не делаются.

Бармен нервно сглотнул, огляделся и понизил голос.

— Ладно. Скажу как старому другу. Говорят, к этому причастны люди из «Крыла».

— «Крыло»?

— Местная банда. Наркотики, оружие, похищения. Работают на кого-то сверху. На кого — никто не знает. Но говорят, на очень влиятельного человека. — Он наклонился ещё ближе.

— У них штаб в старом порту. Собираются по вечерам. Но тебе туда лучше не соваться, малыш. Там очень опасно. — Он отстранился. — Это всё, что я знаю.

Андрей задумался. «Крыло» — первая зацепка. Но лезть в порт без плана было бы безумием.

— Что думаешь? — повернулся он к Коле.

— Рискованно. Штурмовать штаб банды — самоубийство. Нужно действовать умнее. Нам нужна информация. — Коля помолчал. — Помнишь дядю Лёшу? У него, с его работой, наверняка есть доступ к досье. Может, там что-то найдётся на это «Крыло». Это безопаснее, чем соваться в порт.

— Неплохо. Попробуешь уговорить?

— Скажу, что для благого дела. Он всегда хорошо относился к О'Нэлли.

Уходя, они столкнулись у двери с барменом.

— Если решите связаться с «Крылом» — будьте осторожны, — тихо сказал он. — Им наплевать на чужие жизни. Хочешь развязать войну — позови друзей.

* * *

На улице Андрей затянулся сигаретой.

— Звонить дяде — это хорошо, но долго. А времени мало. Есть одно местечко. Знаю человека, который может что-то слышать про «Крыло».

— Надеюсь, не криминальный авторитет?

— Да нет. Знакомая. Немного странная, но всегда в курсе всех городских сплетен.

Они ехали всё дальше от центра. Оживлённые улицы сменялись мрачными переулками и заброшенными зданиями. Наконец впереди, на вершине холма, показалось большое мрачное строение.

— Это что? — спросил Коля. — Тюрьма?

Андрей смущённо почесал затылок.

— Не совсем. Там живёт моя сестра.

— Сестра? Ты никогда о ней не рассказывал.

— Не было повода. Ситуация деликатная. В Ксенвихе о ней почти все знают. Та самая девочка, с прибабахом. — Он вздохнул. — Это психиатрическая больница.

Коля удивлённо посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, твоя сестра… больна?

— Да. Но это не значит, что она ничего не знает. Наоборот. Она всегда была в курсе всех городских легенд и теорий заговора. Может, что-то слышала про «Крыло». — Он посмотрел на Колю с надеждой. — Пожалуйста. Дай ей шанс. Мы ничего не теряем.

— Ладно. Но если она начнёт нести чушь — я сразу валю.

* * *

Готическое здание с узкими окнами давило мрачной архитектурой. У ворот охранник проверил разрешение и неохотно пропустил.

— Соблюдайте тишину. И не провоцируйте пациентов.

В холле на скамейках сидели люди в больничных халатах: кто смотрел в никуда, кто бормотал. Навстречу вышла медсестра.

— Вы к Свете? Она вас ждёт. Пройдёмте. Только недолго.

Палата номер двенадцать была светлой и чистой. У окна на кровати сидела молодая женщина с длинными светлыми волосами и отсутствующим взглядом.

— Света? Это я, Андрей. Ты меня помнишь?

Она повернулась. Ни капли узнавания в глазах. А потом вдруг вскочила, подошла вплотную (она была на полголовы выше) и крепко обняла.

— Андрюша! Я знала, что ты приедешь! Я так долго ждала!

Она посмотрела на Колю.

— Женя! И ты здесь! Почему так долго не навещал?

Коля смутился, но промолчал.

— Свет, — мягко сказал Андрей, — мы ненадолго. Просто хотели узнать…

— Я знаю, зачем вы приехали, — перебила она, хитро улыбаясь. — Про «Крыло». Свет мой, зеркальце, скажи: я ль на свете всех умнее, всех опасней и мудрее?

Она засмеялась, неприятно, с надрывом, так, что по спине побежали мурашки.

— Откуда ты знаешь? — опешил Андрей.

— Я знаю всё. Я слышу голоса. Они говорят мне всё.

— Что ты знаешь про «Крыло»?

— Опасная организация. Грязные дела. И работают на очень влиятельного человека. — Она отошла к окну, будто черпая что-то из воздуха, и вдруг резко обернулась. Глаза заблестели маниакальным возбуждением. — Я знаю, кто стоит за «Крылом».

Они подались вперёд.

— Кто?

Света приблизилась, и шёпот её стал почти неслышным.

— Директор Ксенвиха. Директор…

Коля оторопел. Андрей, напротив, оживился.

— Ты уверена?

— Голоса сказали. Он их кукловод. Контролирует всё.

— Но зачем? — не удержался Коля. — Зачем директору это?

Едва слова сорвались с её губ, Света вздрогнула, будто её ударило током. Глаза расширились от ужаса, она отшатнулась.

— Зачем он это делает?! Нельзя! Нельзя знать! Нельзя думать об этом!

Она забилась в угол, вцепилась в волосы и начала их рвать, раскачиваясь.

— Нет! Нет! Не думайте обо мне! Не трогайте меня!

В палату ворвалась медсестра.

— Опять началось! Я же просила её не провоцировать! Уходите. Вы только делаете ей хуже.

Их выпроводили в коридор.

* * *

У мотоцикла они молчали. Свежий утренний воздух был резким контрастом душному отчаянию палаты.

— Директор? — наконец сказал Коля. — Не верится.

— Я тоже сначала не поверил. Но Света не врёт.

— Она же больна! Ты всерьёз веришь всему, что говорит шизофреничка?

— Ты не понимаешь. Безумие Светы всегда оказывается правдой. Она видит то, что скрыто от нас. Помнишь профессора Липского, который внезапно уволился? За неделю до этого Света сказала, что он «продал душу дьяволу и скоро исчезнет». Все посмеялись. А через неделю он уехал — и никто не знает куда.

— Совпадение.

— Может быть. А может, и нет. Я привык ей доверять. И если за всем стоит директор — всё сходится. Его влияние, его связи.

Коля покачал головой.

— Всё равно не верится. Но допустим. И что дальше? Штурмовать кабинет с криком «сдавайся, злодей»?

— Нет. Но быть вдвойне осторожными. — Андрей завёл двигатель. — В старый порт?

— Сначала спрошу об одном. Она назвала меня Женей. Кто это?

Андрей замялся.

— Это мой погибший брат.

Глава 17. Директор

Солнце пробивалось сквозь высокие окна столовой, окрашивая столы золотом. На подносах дымился омлет с ноотропами, фрукты с биолюминесцентной глазурью и компот, от которого в голове становилось странно ясно.

Эмма сидела, уткнувшись в учебник по квантовой механике, но смотрела не в формулы, а на Колю и Андрея, которые явно избегали её взгляда.

— Ладно, — не выдержала она. — Где вы были? И не вздумайте врать, что «нигде».

Коля перекатил во рту ягоду.

— Мы продали реактивы.

— Что?! — Эмма подпрыгнула. — Вы совсем тупые? Это воровство!

Она выхватила учебник и огрела Колю по голове.

— Ай! Эмма! Нам нужны деньги на Мост. Ты сама говорила, что не хватает деталей.

— Но не краденые же реактивы! Вас же вышвырнут из школы, если поймают!

— Не поймают.

— О, конечно. Вы такие осторожные. Особенно когда от тебя за версту разит виски.

— Ладно, — вмешался Андрей. — После рынка мы заехали к Борису. Он сказал, что дочь О'Нэлли похитило «Крыло».

Эмма замерла.

— «Крыло»? Преступная группировка?

— И мы предполагаем, — Андрей выдержал паузу, — что за этим стоит директор.

Эмма закатила глаза.

— О, ну конечно. Директор. Тот самый, который раздаёт стипендии и защищает учеников на советах. Он, значит, вдруг оказался главой банды, которая убивает школьников?

— Мы ездили к Свете, — сказал Коля.

— К сестре Андрея? Которую исключили? В психушку? — Эмма фыркнула. — И ваше главное доказательство — голоса в голове у девушки с диагнозом? Прекрасно. Вы оба ведёте себя как параноики. Директор — хороший человек. А вы…

Беллатрис плавно опустилась на свободный стул, поправив серебристые пряди. В её движениях не было обычной надменности, только неловкая решимость.

— Можно? — Она указала вилкой на место. Эмма удивлённо кивнула. — Я хочу извиниться. За позавчерашнее.

Андрей замер с ложкой у рта. Коля отложил учебник.

— Я вела себя как… стерва. Потому что привыкла, что все вокруг — или идиоты, или подхалимы. — Белла посмотрела прямо на Эмму. — Но ты настоящая. Я пересмотрела твои алгоритмы для Моста. Они блестящие. В прямом смысле.

Она развернула чертёж с пометками.

— Ты что, всю ночь над этим сидела? — свистнул Андрей.

— Не всю. — Тёмные круги под глазами говорили об обратном. — Просто поняла, что хочу работать с теми, кто действительно что-то понимает.

Эмма неожиданно рассмеялась и протянула руку.

— Добро пожаловать в команду, Моро.

Белла улыбнулась, по-настоящему, впервые за долгое время.

— Раз уж сегодня воскресенье… может, сразу начнём? У меня есть идеи по нейроинтерфейсу.

* * *

Белла только успела сделать первый глоток компота, когда дверь столовой распахнулась с грохотом.

В проёме стоял директор, высокий, седой, с безупречной осанкой, в тёмном костюме. За ним выстроились пятеро охранников в чёрной форме, лица скрыты за затемнёнными визорами шлемов.

— Доброе утро, студенты! — Голос был мягким, но со стальной твёрдостью. — Прошу прощения за резкое появление, но ситуация требует немедленных действий.

Столовая замерла.

— Как вы знаете, недавнее нападение на наш филиал в Ингреквихе потрясло всех. Двадцать один талантливый ум был жестоко унесён. — Он прошёл между столами. — Я лично занимался отбором новой охраны. Это специалисты международного класса. Они обеспечат вашу безопасность.

Солнечный луч скользнул по визору одного из охранников, оставив холодный блик.

— С сегодняшнего дня в общежитиях вводится комендантский час. Все студенты первого этажа временно переселяются наверх. А некоторые, — директор улыбнулся, но глаза остались ледяными, — наоборот, переедут на первый. Для удобства наблюдения.

Его взгляд скользнул по их столу.

— В том числе и вы, господа Орлов, Кожевников.

Андрей едва сдержал гримасу. Коля сжал медный кулон так, что побелели костяшки.

— Не волнуйтесь. Это временные меры. Ваша безопасность — наш приоритет. — У порога директор обернулся. — Да, и ещё. Крыло «Дельта», где произошёл инцидент с О'Нэлли, временно закрыто. Всё оборудование проверяется.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Столовая взорвалась шёпотом.

— Ну что, гении, — Белла медленно отложила вилку. — Всё ещё думаете, что ваш директор милый и добрый?

Эмма не ответила. Она смотрела на дверь и впервые за долгое время выглядела по-настоящему испуганной.

— Странно, что он лично занимался отбором охраны, — тихо сказала Белла. — И как он смотрел на тебя, Коля. Будто оценивал.

— Ты думаешь, он что-то подозревает? — Андрей резко поднял голову. — О проекте?

— Да откуда? — Эмма осеклась, вспомнив про недавний взлом серверов. Коля едва заметно покачал головой: не сейчас.

— В любом случае нам нужно ускориться, — понизил голос Коля. — Если охрана будет везде, станет сложнее перемещаться ночью.

Белла улыбнулась, тем редким, едва заметным изгибом губ, который означал, что у неё есть план.

— Старое крыло. Там редко бывает охрана, а камеры в коридорах давно не работают.

— Значит, сегодня после отбоя, — кивнул Андрей.

— Эмма, закончишь расчёты интерфейса? — спросил Коля.

Эмма вздохнула, но кивнула. Её слова прервал звонок, не тревога, а обычное уведомление о начале дневных мероприятий.

— Культурная программа, — скривился Андрей. — Как же мне это «нравится».

Глава 18. Лаборатория №4

После завтрака четверо двинулись в сторону заброшенного крыла.

— Так, стоп, — Эмма схватила Колю за рукав. — Вы понимаете, что нас могут поймать?

— Философ дал ключ. Значит, разрешил, — Андрей оглядел пустой коридор.

— Философ — не директор, — прошептала она, но пошла следом.

Беллатрис шла впереди, её серебристые волосы мерцали в тусклом свете.

— Здесь, — она указала на неприметную дверь с табличкой «Лаб. 4».

Старый ключ скрипнул, но поддался. Лаборатория встретила их пылью: столы с приборами, затянутые плёнкой мониторы, доска с полустёртыми формулами.

— Почему Философ дал вам ключ именно отсюда? — Эмма провела пальцем по пыльному столу.

— По слухам, здесь работал его друг, — Коля включил компьютер. — Учёный. Тот самый, который исчез. Как всё в этой школе — тихо и без объяснений.

За дверью прозвучали тяжёлые шаги охраны и удалились.

— Работаем, — тихо сказала Беллатрис, расстилая чертежи.

Коля достал телефон и нажал «Яков».

— Ты серьёзно? — нахмурилась Эмма.

— Он может помочь. — Коля поднёс трубку к уху. — Лаборатория четыре. Приходи. Мы помирили Эмму и Беллу. У нас теперь полная команда. Ты же всегда хотел быть частью чего-то важного. Вот твой шанс.

Пауза. Потом резкий вздох:

— Чёрт с тобой. Буду через десять минут.

— Идите все сюда, — позвал Коля, пододвигая к доске ноутбук с трёхмерной моделью. Он провёл мелом две параллельные линии. — Вот наша реальность. А это параллельный мир. Почти такой же, но с микроскопическими различиями.

— И как мы туда попадём? — Андрей бросил карандаш. — В виде призраков?

— Именно. — Коля нарисовал между линиями пунктирную дугу. — Мост не переносит сознание в другое тело. Он проецирует его как энергетический след. Вы будете видеть и слышать всё, но вас не увидят и не услышат. И главное — время там течёт иначе. Один час в других мирах равен минуте в нашем.

Беллатрис дописала красным мелом уравнения.

— То есть за одну нашу минуту вы проживёте целый час. Но, — она подняла глаза, — психика получит полную нагрузку.

— Галлюцинации? Провалы памяти? — уточнила Эмма.

— Хуже, — серьёзно сказал Коля. — Вы можете перестать понимать, кто вы — люди или призраки.

* * *

Дверь распахнулась ровно через девять минут. Яков стоял на пороге в безупречном костюме, оглядывая пыль с отвращением.

— Ну и дыра.

— Входи уже, принц, — проворчал Андрей.

Яков подошёл к столу, взял тетрадь Беллатрис, пробежал глазами, и брови его поползли вверх.

— Белла, ты серьёзно использовала этот алгоритм для стабилизации? Он даёт погрешность в двенадцать процентов. Если взять за основу теорию квантовых полей Морозова… — Он схватил карандаш и забегал по полям.

Коля наклонился, и глаза его расширились.

— Чёрт. Ты прав.

— Конечно прав. Я всегда прав. — Яков снял пиджак. — Ну что, гении. Берёте?

Коля переглянулся с остальными и кивнул.

— Берём.

Яков сел за свободный стол, его пальцы затанцевали по клавиатуре. Через четверть часа на экране мерцала новая, более стабильная модель интерфейса.

— Гениально, — выдохнула Эмма.

Яков улыбнулся, впервые искренне.

* * *

Работа закипела. Эмма и Коля паяли диодный мост, их руки то и дело случайно соприкасались, заставляя обоих краснеть. Андрей паял модулятор на подоконнике. Яков встал рядом с Беллатрис, поправляя её расчёты, их лица оказались совсем близко, и Андрей выронил пинцет.

Через час спаянный модулятор задымился едким пластиком.

— Ять, Эмма, о таком сразу говорить надо! — подскочил Андрей.

— Нужен чёткий план, — закатила глаза Эмма. — Вот поэтому у тебя всё дымится.

Коля подошёл к доске.

— Распределяем. Яков перепроверяет расчёты. Белла дорабатывает схему подключения и материалы. Андрей — блок питания и предохранители. Эмма и я — стабилизаторы, потом Эмма пишет софт. Я координирую. Всё по очереди, без спешки. И после каждого шага — проверяйте работу напарника. Ошибки нам не нужны.

— Скучно, — скривился Андрей. — Я бы подключил всё на максимум и посмотрел, что выдержит.

— И взорвал бы пол-лаборатории, — фыркнула Эмма.

Беллатрис неожиданно улыбнулась.

— Твой план имеет смысл, Коля.

— Нам ещё нужны детали, — Коля постучал по столу. — Их надо где-то купить.

Андрей вытащил из кармана смятые купюры и швырнул на стол.

— Вот. Что выручили за реактивы.

— И на это купить весь комплект? — Эмма подняла пачку. — Этого не хватит и на половину.

Беллатрис, склонившись над списком, пробормотала:

— Нам нужны микроконтроллеры, высокочастотные преобразователи и кристаллы для квантового синхронизатора с кварцевыми трубками. Мелочь хоть есть в шкафах — спасибо Философу.

— Кристаллы? На наши деньги? — поднял глаза Яков. — Вы шутите.

Повисла тишина. Андрей вдруг хлопнул себя по лбу.

— Борис!

— Кто? — хором спросили остальные.

— Бармен. У него есть связи.

Эмма закатила глаза.

— О, прекрасно. Теперь будем покупать у контрабандистов.

* * *

Андрей и Коля сбросили последние мешки у порога новой комнаты на первом этаже. Андрей рухнул в кресло, матрас жалобно скрипнул.

— Похоже, первый этаж теперь наш вип-клуб для избранных.

— Это странно, — Коля опустился рядом. — Философ хотел, чтобы Абибу переселили вниз. О'Нэлли сделал это — и поплатился женой. А директор переселяет на первый этаж всех, кого убили в Ингреквихе: детей из девяти развитых стран. Поближе к выходу. Туда, где мы — удобная мишень.

— Именно. И это наш шанс, — хитро улыбнулся Андрей. — Абиба. Она аномалия: не из большой девятки, а её тоже переселили к выходу. Аномалии всегда дают трещины. Главное — разговорить. Она хорошо разбирается в символах и древних языках. Я уже начал — сказал ей, что мы соседи, если что — обращайся. Первый крючок. Главное — не давить.

Коля кивнул. Перед сном он нащупал на тумбочке фигурку шакала из красного дерева, подарок Эммы. В приоткрытой пасти лежал сломанный транзистор. Он провёл пальцем по гладкому дереву и закрыл глаза.

* * *

Утро на первом этаже началось с ощущения сдавленности. Каждый шаг охранника за дверью казался громче. В столовой было ещё напряжённее: охрана у стен, взгляды, скользящие по ученикам.

— Возмущён! — Яков ковырял омлет. — Мой сосед храпит, как паровоз. Мои тончайшие математические модели требуют тишины!

— Твои модели подождут, — холодно обронила Беллатрис. — Это лучше, чем спать рядом с мальчиками.

Андрей перехватил инициативу.

— Девочки, это важно. Вчера я видел Абибу. Она теперь напротив нашего блока. Хотя сюда переселяли только большую девятку. Она аномалия. И я уже начал налаживать контакт.

— Значит, расследование начинается с неё, — кивнул Коля. — Аккуратно, без давления. Белла, список готов?

Беллатрис развернула исписанный мелким почерком лист.

— Нам нужны прецизионные осциллографы, микросхемы высокой частоты, экранированный кабель и, главное, кварцевые резонаторы особой чистоты. Для защиты — инфракрасные датчики движения, магнитные контакты на двери и окна. И нормальные инструменты. Старые годятся только на переплавку.

— За то, что мы принесли, хватит на часть, — Андрей бросил взгляд на мешочек с деньгами. — Но не на всё. И нужен безопасный способ купить.

— Вот тут и начинается интересное, — постучала пальцем Эмма. — Вы теперь внизу, под контролем. Мы с Беллой наверху. Будем вашими внешними агентами. Почта просматривается, но каждый месяц в школу идут тонны поставок. Если внедрить наш заказ в одну из них…

— Это работа для меня и Эммы, — заявила Беллатрис. — Взломаем систему школьных закупок.

* * *

К середине дня девушки получили частичный доступ к закупкам. Коля чертил, Яков разбирал ржавые детали («это конденсатор из старого радиотелескопа… а это часть прототипа ускорителя — они что, чёрную дыру в подвале открывали?»). Андрей в библиотеке «случайно» встретил Абибу, показал ей набросок выдуманного символа. Та заинтересовалась (древнеегипетский или нубийский?) и обещала посмотреть в своих книгах. Нить крепла.

А потом дверь лаборатории со скрипом открылась. На пороге стоял Философ. Его взгляд скользнул по хаосу и остановился на флаконе, оставленном на столе.

— Я дал вам ключ, мистер Орлов, предполагая что-то продуктивное. А вижу хаос и… незаконно полученные реактивы? — Он поднял флакон, тот самый, с чёрного рынка.

Андрей замер. Но раньше всех вперёд выступил Яков.

— О, господин Философ! Вы вовремя! — заговорил он громко, с показным вдохновением. — Это не хаос, это творческий беспорядок гения! Мы работаем над гравитационно-резонансным интерферометром, способным улавливать флуктуации пространственно-временного континуума от пульсаций далёких квазаров! А эти «реактивы» — особые изотопы для охлаждения сверхпроводящих контуров. Чем ниже температура, тем меньше тепловых шумов, тем точнее мы ловим гравитационные отпечатки древних цивилизаций из других галактик! Мы

не крали реактивы, мы спасали их от неэффективного использования в вашей примитивной школьной лаборатории!

Философ слушал непроницаемо. Но в глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Гравитационно-резонансный интерферометр, говорите? Очень интересно. Я бы хотел увидеть ваши расчёты, мистер… Яков.

— Разумеется! Это будет настолько детальная работа, что вы будете поражены!

Философ кивнул.

— Продолжайте. Но помните: любые материалы, не предназначенные для школы, должны быть задекларированы. А если понадобятся детали — можете рассчитывать на финансовую поддержку от меня лично. Скажем, в размере ста тысяч долларов.

— Лихо, — присвистнул Андрей.

И так же бесшумно, как появился, Философ ушёл.

Андрей хлопнул Якова по плечу.

— Ты гений! Я думал, мы провалимся.

— Само собой. Дайте мне цифры — и я придумаю любую неопровержимую теорию. Уверен, он до сих пор переваривает «гравитационные отпечатки древних цивилизаций».

Беллатрис, однако, не смеялась.

— Значит, своим эго ты поставил нас под ещё больший риск. Теперь Философ будет ждать реальных результатов по этому бреду. — Она задержалась у двери и посмотрела Якову в глаза. — Если ты подставишь нас своими выходками, я лично переделаю твой интерферометр в ускоритель для твоих мозгов. Понял?

Яков натянул маску высокомерия, но что-то в её решимости заставило его на миг смутиться.

Глава 19. Медицинский корпус

Поздней ночью в комнате Эммы на пятом этаже горела настольная лампа. Они с Колей корпели над самой сложной частью проекта, квантовой запутанностью сознания.

— Дело не в мощности поля, — Эмма потёрла виски. — Мы можем создать искажение. Но как сохранить целостность сознания при переходе? Как не дать разуму раствориться в потоке квантовых вероятностей?

— Нужно что-то, что удержит его единым, — вздохнул Коля. — Это не просто данные. Это ты, твоя личность, твои воспоминания.

— Нам нужен якорь. — Слово повисло в воздухе. — Что-то, что свяжет сознание с телом. Точка возврата. Представь нить, которая держит воздушного змея. Без неё его унесёт ветром.

— Что-то личное? С сильной эмоциональной связью?

Эмма встала, подошла к окну.

— Слишком примитивно. А что, если это не объект? Что, если это состояние мозга? Особая ментальная конструкция, которую человек выстраивает в себе и укрепляет. Если сознание может влиять на квантовые поля, почему оно не может стать собственным якорем — если достаточно сфокусировано?

Коля задумался.

— Звучит почти мистически. Но если наша реальность настолько нетрадиционна, то и решение такое же. Только нам нужен не человек, а нейрочип и нейрограф — чтобы измерить, какие именно мысли создают такой якорь.

— Это не заказать через школьные закупки, — покачал головой Коля. — Такое оборудование есть только в передовых лабораториях.

— Нет, — глаза Эммы вспыхнули. — Но Ксенвих — не просто школа. У них должно быть такое. В медицинском корпусе.

* * *

На следующий день, под предлогом «консультации», они пошли к медицинскому корпусу, современной постройке из стекла и бетона. Школьные пропуска сработали, турникет пропустил их в стерильный вестибюль, пахнущий дезинфекцией.

— Без халатов мы выделяемся, — шепнула Эмма.

Им повезло: в незапертой служебной комнате висели белые халаты. Переодевшись, они слились с потоком студентов-медиков и двинулись к сектору «Отделение передовых нейробиологических исследований».

В одном из приоткрытых кабинетов они нашли компьютер. Пальцы Эммы затанцевали по клавиатуре.

— Готово. Базовый обход защиты.

Пока Коля стоял на страже, его взгляд зацепила странная старая картина за стеклом: человек в футуристических одеждах держал светящийся кристалл, лицо было почти просветлённым. От картины шло лёгкое головокружение.

— Нашла, — тихо воскликнула Эмма. — «Проекты нейроинтеграции и когнитивного усиления». — Она прокрутила список. — Вот. «Проект ЭНСО. Энергетическая Нейростимуляция Осознанности». Устройство для вживления в височную долю, усиление волновых процессов. Предполагаемый рост когнитивных функций до семидесяти трёх процентов.

— Это оно, — сердце Коли забилось. — Идеальный якорь.

— Код доступа К-23. Куратор — профессор Эрриксон. Местонахождение лаборатории не указано. «Особая исследовательская зона».

За спиной раздались шаги. Дверь распахнулась. На пороге стоял пожилой, подтянутый мужчина с седой шевелюрой и бейджем «Профессор Эрриксон».

Сердце Коли ухнуло в живот.

Но Эмма среагировала мгновенно, с напускным энтузиазмом:

— Профессор Эрриксон! Мы так рады, что нашли вас!

Эрриксон поднял бровь, взгляд скользнул по взломанному монитору.

— И кто вы? И почему в моём кабинете?

— Мы ученики из главного корпуса. Работаем над гипотезой о квантовой запутанности сознания, и ваш Проект ЭНСО может быть ключом.

— Квантовая запутанность сознания, — медленно повторил он. — Интересно. Особенно для учеников, которым нельзя сюда без сопровождения. И которые без приглашения копаются в моём компьютере. Изложите вашу гипотезу. Сейчас. И не лгите — я почувствую.

Коля и Эмма переглянулись. Это был тест, и единственный шанс. Они рассказали правду: про Мост, про проекцию сознания, про якорь, про то, что ЭНСО мог бы стать их нейрографом и нейрочипом.

Эрриксон слушал, не перебивая. Наконец выпрямился.

— Это смело. И опасно. Но не лишено смысла. Ваша теория совпадает с некоторыми нашими неопубликованными данными. — Он отошёл к окну. — Я не сообщу охране. Но с условием: вы работаете под моим руководством и представляете мне все результаты. Согласны?

Коля кивнул первым.

— Согласны. Но есть нюанс. Нас уже курирует другой профессор. Философ.

На лице Эрриксона не дрогнул ни один мускул.

— Философ. Это не проблема. Напротив, интересно. Мои исследования — внутренние процессы сознания. У него подход более метафизический. Ваша работа будет мостом между нашими интересами.

— Мы должны быть откровенны, — решился Коля. — Мы не говорим Философу об истинных целях. Мы его подозреваем.

— Понимаю. Тем интереснее. То, что вы показываете Философу, будет прикрытием внутри прикрытия. Я дам вам доступ к части данных по ЭНСО и отдельную лабораторию здесь. А образцы прототипов нейрочипов… подумаю, исходя из ваших успехов. Учитывая, как безвкусно вы взломали мой сервер, вряд ли скоро доверю такую тонкую аппаратуру. — Он кивнул на дверь. — В следующий раз приходите через парадную. Утром вышлю координаты вашей лаборатории. Доброй ночи.

Они вышли, чувствуя смесь облегчения и осознания новой, ещё более сложной игры.

* * *

Комната Андрея и Николая напоминала смесь склада и лаборатории. Белла и Яков сидели на кровати, Эмма на подоконнике, Андрей жонглировал отвёрткой на полу.

— Значит, так, — начал Коля. — Мы теперь под надзором сразу двух профессоров. Эрриксон знает, что мы строим Мост. А Философ держит в рукаве фото, где мы с Андреем занимаемся незаконной алхимией.

— Это называется «практика в ночное время», — лениво заметил Андрей. — Я там просто держал тебя за руку, чтобы не было страшно.

— И реактивы сами в карманы запрыгнули, — фыркнула Белла.

— В этом есть и плюсы, — подняла ладонь Эмма. — Под двумя наставниками мы получаем биологическую лабораторию. А ещё мы с Беллой полностью взломали систему закупок. Теперь можем аккуратно добавлять туда нужное.

— И минусы, — вставил Яков. — Двойной контроль. Два глаза хорошо, четыре — уже паранойя.

— Пять, если считать камеру у входа, — добавила Белла. — Но с этим у нас уже есть решение. Послезавтра привезут старую систему безопасности из кабинета Витгенштейна. Установим её в нашей лаборатории.

— То есть у нас есть компромат, за нами следят, и мы ставим себе охранную систему нашего же шантажиста? — уточнил Коля.

— Именно! — Белла хлопнула в ладоши. — Как в дешёвом шпионском фильме. Только мы круче.

Смех затих быстро. Разговор свернул на мрачное.

— Объясните мне, — Коля прошёлся по комнате, — зачем переселять ребят из развитых стран на первый этаж, а остальных — выше?

— Директор сказал: для безопасности, — буркнул Яков.

— Чепуха, — резко перебил Андрей. — На первом их проще всего достать. А в Ингрек-вихе… это не террористы. Это директор.

— Опять ты, — вздохнула Эмма.

— Я верю словам сестры. Директор замешан и в похищении семьи О'Нэлли, и в тех смертях.

— Нет, — покачал головой Коля. — Виноват Философ. Это он давил, чтобы Абибу переселили вниз. И сразу после этого — трагедия.

— Согласна, — твёрдо сказала Эмма. — Философ тянет за ниточки.

Яков пожал плечами:

— У меня мало данных. Я бы подождал фактов.

Вдруг Эмма нахмурилась.

— А почему нас с Беллой не переселили? Она из Италии, я из Франции. Мы должны быть внизу.

Андрей замялся, почесал затылок.

— Ну… это мы с Колей немного подправили систему.

— Что?! — в унисон воскликнули девушки.

— Всего один раз! — Коля поднял руки. — Система меняет жильё раз в семестр. Мы поселили вас вдвоём, в комнате Эммы. Теперь директор физически не может вас передвинуть.

— Вы решили за нас?! — Эмма спрыгнула с подоконника.

— Ради безопасности, — Андрей спрятался за отвёртку, как за щит.

Буря кипела с минуту, потом улеглась.

— Ладно. По делу, — Эмма сложила ладони, как дирижёр. — Завтра: утром биология у Эрриксона, показываем, что работаем законопослушно. Параллельно проверяем поставки — графеновые пластины, иттриевый сплав, кварцевые стержни, медицинские ЭЭГ-электроды. Андрей делает «санитарный день по жучкам». Днём мы с Яковом считаем «окно частот». Вечером — оперштаб здесь. И кодовое слово для тревоги: «кактус». Один — закрываем ноуты. Два — делаем вид, что готовим стенгазету.

— Можно мой позывной будет «кактус-пати»? — спросил Андрей.

— Ты — «кактус-молчание», — отрезала Белла. — И никаких фейерверков.

— И ещё, — Коля поднял взгляд. — Химреактивы больше не воруем, на чёрный рынок не ездим. Да, Андрей?

— Да-да, чего ты завёлся. Пару раз всего было.

— И если ещё раз кто-нибудь поменяет жителей моей комнаты без предупреждения, — сказала Эмма, — приманкой для террористов станете вы.

* * *

Наутро Яков спешил к выходу с пачкой расчётов и столкнулся с девушкой, которую не видел прежде. Бумаги разлетелись по ступеням.

— Простите, — сказала она, чуть насмешливо. Длинные светлые волосы до пояса, ярко-красные глаза. Она присела, помогая собрать листы, и задержала один. — Интересные у тебя записи.

Яков выхватил лист.

— Не думаю, что ты в этом что-то поймёшь.

— Мирра. Я здесь новенькая.

— Яков, — коротко бросил он и прошёл мимо. Она проводила его прищуренным взглядом, и в её улыбке было что-то, от чего между лопаток пробежал холодок.

* * *

В столовой распахнулись двери. Вошёл директор.

— Сегодня начинаются традиционные осенние игры по волейболу. Желающие могут подать заявку на отбор.

— Наконец-то! — расправился Андрей. — Я уже в команде.

— Напомнить, как в прошлом году ты поймал мяч головой? — приподняла бровь Эмма.

— Это была хитрая тактика.

— А мы с Яковом можем на отбор? — подался вперёд Коля.

— Разумеется. Вечером первая тренировка.

* * *

День пролетел. Утром Эрриксон устроил смотр: проверял журналы, как кладут пипетки, заставил трижды переписать записи. Остался доволен: порядок был безупречен.

После обеда Андрей устроил рейд в лаборатории, выданной Философом: ползал по полу, просвечивал углы. За час выковырял шесть жучков: под столешницей, в розетке, в обложке книги, в вентиляции, за шкафом, в корпусе лампы. Сгрёб в коробку из-под печенья и объявил:

— Теперь хотя бы кашлять можно без отчёта.

Днём Философ выцепил Якова. Тот рассказывал про колебания эфира, сигналы с границ Вселенной, рисовал стройные, но бесполезные схемы. Философ слушал, щурился, и чем дольше, тем очевиднее было, что он ничего не понимает. В конце он сказал свою любимую фразу:

— Это звучит красиво. Но я всё равно не верю.

И ушёл, оставив запах камфоры. Яков смотрел ему вслед с лёгким раздражением и странным удовлетворением: если Философ слушал этот бред, значит, настоящая работа пока в безопасности.

Глава 20. Шантаж

К вечеру спортзал гудел так, будто собралась половина Ксенвиха. Пахло старым лаком, лампы под потолком мигали.

Андрей вышел на площадку уверенно: мяч в его руках выглядел как продолжение тела. Коля и Яков встали рядом с новенькими: Коля собранный, Яков задумчивый, будто решал задачу о траектории мяча. Эмма и Белла устроились на трибуне.

Тренер щёлкнул свистком. С первого розыгрыша стало ясно: Андрей ведёт игру. Его подача, резкая, с хлёстким щелчком, заставляла соперников едва успевать. Коля, назначенный либеро, принимал мяч низко, на коленях, дважды спас команду от эйса. А вот Яков запаздывал, прыгал неуклюже, пытался всё просчитать, и пока заканчивал мысль, мяч уже падал.

— Достаточно, — остановил его тренер после пятого розыгрыша. — Волейбол — не математика. Нужна интуиция.

Яков молча отошёл, но Коля заметил, как тот сжал кулаки.

На трибуне Белла не сводила глаз с площадки.

— Я всегда думала, что он только шумит. А тут… будто совсем другой. Смотри, как прыгает. Есть в этом что-то стоящее.

— Осторожнее, — тихо сказала Эмма. — Он умеет нравиться, когда очень хочет.

— Я уже заметила, — шепнула Белла, но взгляд так и не отвела.

В конце тренер подвёл итог:

— Андрей — основной нападающий. Николай, тебя посмотрим на либеро, есть задатки. Яков… боюсь, не твоё. Но спасибо за попытку.

Андрей подошёл к друзьям, сияя.

— Ну что, видели? Я — звезда.

— Ты — метеорит, — сухо заметил Коля. — Красиво горишь, но шума много.

* * *

После тренировки Андрей, возвращаясь с кружкой воды, столкнулся в коридоре с Абибой. Её глаза блестели в полумраке.

— Привет, Андрей. Ты в выходные чем занят?

Он замер. Мысли понеслись: «Она зовёт меня? На свидание?» Лицо загорелось.

— Э-э… в принципе, свободен… если что…

— Отлично. Тогда сможешь посмотреть мой компьютер? Он зависает, когда я открываю программу для статистики. Ты же сам предлагал помощь.

Андрей онемел. Весь его «романтический сценарий» рухнул с треском.

— А-а… ноутбук… да, конечно, — пробормотал он.

— Спасибо. В субботу вечером удобно?

— Удобно.

Она ушла, лёгкая и уверенная. Андрей остался стоять с пустой кружкой.

— Идиот, — пробормотал он себе. — Ноутбук, конечно. А я свидание придумал.

* * *

Ночью, в полумраке комнаты, Андрей лежал, закинув руки за голову.

— Как же круто, а? Спортзал наш. Каждый удар — и соперники падают духом.

— Ты сегодня был хорош, — отозвался Коля от окна. — Даже слишком. Весь матч тащил на себе. Работает, спору нет. Но команда — это не один игрок.

— Сейчас скажешь, что надо скромнее.

— Не скромнее. Умнее. Если команда привыкает, что всё решает звезда, остальные перестают верить в себя.

Андрей помолчал.

— А ты прям философ. Может, тебе всё-таки стоило с Витгенштейном посидеть?

— Я хотя бы понял бы, о чём он, — усмехнулся Коля.

Пауза.

— Но ты прав, — неожиданно сказал Андрей, глядя в потолок. — Я попробую. Ты, кстати, тоже был хорош. Либеро из тебя выйдет толковый.

Коля пожал плечами, но уголки губ дрогнули.

— Посмотрим.

* * *

Был один из утомительных будних дней. Ребята работали в старом корпусе: Коля чертил схемы, Эмма сверяла журнал, Белла проверяла ноутбук, Андрей возился с проводкой, Яков листал тетрадь.

Дверь распахнулась так резко, что пробирки дрогнули. Ворвался Философ, красный, с каплями пота на висках, словно его только что публично унизили.

— Довольно! Я только что говорил с Эрриксоном. Этот червяк считает, что может командовать вами наравне со мной! Откуда он вообще узнал о проекте?! — Он хлопнул ладонью по столу так, что бумаги разлетелись. — С этого дня вы работаете под моим руководством. Одним. Никакого Эрриксона. Иначе я закрою всё к чёртовой матери!

Коля поднял голову, стараясь сохранять спокойствие. Философ прищурился и достал из кармана сложенный листок. Фотография: Андрей и Коля в химкабинете, складывающие реактивы в сумку.

— А у меня есть козырь. Одно слово директору — и вы оба вылетаете отсюда. — Фотография шуршала в его пальцах, как приговор. — Или слушаетесь меня, или завтра утром ваши вещи будут на крыльце.

Дверь захлопнулась. На секунду все оглохли от тишины.

Андрей ударил кулаком по стене.

— Вот гад! Шантажист!

— Паника не поможет, — спокойно сказал Коля, складывая бумаги, чтобы занять руки. — Если он и правда расскажет директору про реактивы, ему придётся признать, что сам месяцами закрывал на это глаза. Это ударит и по нему.

— Значит, игра в покер, — азартно блеснула глазами Белла. — У него снимок. У нас — система закупок и его собственные тёмные делишки. Он ведь заказывает себе на уроки какие-то слишком подозрительные кристаллы, которых мы никогда не видели. Надо дождаться, пока он сделает первый лишний шаг.

— И всё же осторожнее, — тихо добавила Эмма. — Он зол. Интересно, что ему сказал Эрриксон.

— Явно ничего хорошего, — сказал Коля.

* * *

Вечером они пошли прямиком к Эрриксону. Он поднял голову от журналов: глаза усталые, но внимательные.

— Что-то случилось?

— Сегодня Философ дал понять, что считает нас только своими, — шагнул вперёд Коля. — Вы что, всё ему рассказали?

Эрриксон откинулся на спинку.

— Я так и думал, что он сорвётся. Да, я хотел взять вашу группу под крыло. Но Витгенштейн вцепился в вас, как коршун в добычу.

— То есть мы для него игрушка? — втянул воздух Андрей.

— Ресурс. Он думает, что через вас вытянет себе влияние. Я спорил с директором, но Философ не отпускает.

— Тогда что нам делать? — скрестила руки Эмма.

Эрриксон понизил голос.

— Работать так же. В тайне. Официально вы под его присмотром. Но всё серьёзное держите при себе. Делайте вид, что исполняете его указания. Настоящая работа — только между нами.

— И вы будете закрывать на это глаза? — прищурилась Белла.

— Если хотите выжить, другого пути нет. Открыто встать против него я не могу. Помните: Философ умён, но слишком самоуверен. Это его слабость.

— Мистер Эрриксон, а когда вы выдадите образцы чипов? — спросила Белла. — Нам нужно опробовать их для заякоривания сознания.

— Я не уверен, что доверю вам своих деток. Вы ещё дети, спалите их. Не заслужили. — Он усмехнулся. — Особенно после того, как так безвкусно взломали мой сервер.

Они вышли в серый коридор. Андрей пнул носком плинтус.

— Слова, слова. А на деле — ничего. Свои чёртовы биочипы не даёт.

— Он боится Философа, — вздохнула Эмма.

— Ирония в том, — печально усмехнулась Белла, — что Философ хотя бы честен в своём шантаже. А у Эрриксона доброе лицо и пустые обещания.

— Зато мы ему верим всё меньше, — тихо заключил Коля. И все замолчали: на помощь взрослых рассчитывать больше не стоило.

* * *

Поздним вечером в комнате телефон завибрировал. Экран: «Борис».

Андрей включил громкую связь.

— Все слышат. Говори.

Голос Бориса зазвучал глухо:

— Андрюх, новости по «Крылу». Они назначили дату. Двенадцатое декабря. Готовят набег. На Ксенвих.

Тишину прорезал только стук ветки по стеклу.

— Что значит «набег»? — нахмурился Коля.

— Я слышал двоих. Разговор конкретный: кто за что отвечает, какой этаж снимать первым. Прозвучало «верхний». Сначала убрать верх, потом вниз. И ещё слово — «барьеры». Дата выбрана не просто так: конец семестра, все расслаблены. Полтора месяца — это не роскошь. Это отсчёт. Думайте быстрее. И держите всё при себе.

Связь оборвалась. В комнате стало так тихо, что слышно было тиканье часов.

— Надо идти к прокурору! — ударил по столу Андрей.

— Плохая идея, — твёрдо покачал головой Коля. — У нас нет доказательств, только слова Бориса. Он решит, что мы нагнетаем дело Ингреквиха.

— А если это дезинформация? — тихо сказала Эмма. — Поднимем шум — окажемся в дураках.

Яков закрыл блокнот.

— У нас есть конкретные данные: дата и цель. За полтора месяца мы должны собрать подтверждения. Если ловушка — разоблачить. Если нет — быть готовыми к худшему.

— «Быть готовыми»… — Андрей уставился в стену. — Ты понимаешь, что это значит? Это не экзамен. Это война.

— Война или нет, — тихо сказал Коля, — но выбирать нам не дают.

— Давайте так, — Эмма посмотрела на всех. — Пока не идём ни к директору, ни к Философу. Работаем тихо. Собираем факты. Если угроза окажется реальной — тогда решим, кому сообщать.

Ветер ударил в раму, и стекло дрогнуло, будто само здание прислушивалось к их решению.

Глава 21. Поездка к О’Нэлли

Лаборатория дремала в полумраке. Коля чертил узел интерференции, Яков сверялся с тетрадью, Андрей паял крепления. Вдруг Андрей замер, паяльник застыл в руке.

— Тише. Там кто-то есть.

На мониторе внешней камеры коридор был пуст. Андрей всё же вышел, и за углом мелькнул силуэт. Девичья фигура, лёгкая, тонкая. Замерла на секунду и растворилась.

— Эй! Ты кто?

Ответа не было. Он вернулся, криво улыбнувшись.

— Показалось. Заработался.

Тут дверь распахнулась, вошли Эмма и Белла, запыхавшиеся, с тяжёлыми пакетами.

— Встречайте героинь, — Белла с грохотом поставила пакеты. — Половина прошла как «наборы для химпрактикумов», другая — как «материалы для мастерской».

Андрей заглянул внутрь.

— Датчики, кабели… Это ж клад! Вы просто богини.

— А это, — Белла вытащила длинный цилиндр, — числилось как «материалы для ремонта вентиляции». На деле — корпус для крепления лазера.

Коля разложил всё по категориям.

— С этим можно всерьёз заняться настройкой. Эмма, Белла, вы сделали важное дело.

— За шаг вперёд, — подняла руку Белла.

— А можно и за два, — добавил Андрей.

Они засмеялись, и на миг показалось, что за стенами нет ни Философа, ни угроз, ни надвигающейся даты.

* * *

Наутро в столовой было шумно. Директор подошёл неожиданно, остановился рядом с Эммой и сказал тихо, только ей:

— Он пришёл в себя. О’Нэлли. Сегодня его перевели в палату. Это ваша заслуга.

Эмма замерла, ложечка застыла в руке.

— Моя?

— Перикардиоцентез. Вы спасли ему жизнь. Хотите навестить? В машине три места.

И он ушёл, растворившись в толпе. За столом повисла тишина.

— Ехать надо, — твёрдо сказал Коля. — Это шанс.

— А если он причастен к Ингреквиху? — нахмурился Андрей. — Что, если он заманивает нас в ловушку?

— Он спас О’Нэлли, — возразил Коля.

— Его спасла Эмма. А он использовал её, чтобы подобраться к нам.

— Мы поедем втроём. И будем держаться вместе, — сказала Эмма.

Вечером они собирались молча, с холодной решимостью. Андрей положил в рюкзак баллончик с зажигательной смесью, собранный в лаборатории. Коля спрятал за пояс остро заточенную отвёртку. Эмма сжимала ампулу со снотворным.

— Если что-то случится, — тихо сказал Коля, — действуем быстро и молча. У нас один шанс.

Директор ждал у чёрного седана, опершись о капот. В свете фонаря его лицо казалось высеченным из камня.

— Я думал, вы не придёте.

— Мы едем, — коротко ответил Коля.

Эмма села вперёд, Коля и Андрей назад. Двери закрылись с глухим стуком, и на миг показалось, что они в ловушке. Директор вёл молча, и это молчание давило тяжелее любого

разговора. Когда он глянул в зеркало, их с Андреем глаза встретились, и Андрею почудился взгляд хищника.

* * *

Больница встретила холодом коридоров и запахом антисептика. В палате лежал О'Нэлли, бледный, измождённый, но уже без трубок. Директор подошёл первым.

— Рад видеть вас в сознании. Всё страшное позади.

— Спасибо… — хрипло ответил ирландец. — А общага? Ребята?

— Всё под контролем. Главное — ваше здоровье. — Директор повернулся к ребятам. — Я оставлю вас ненадолго. Только не перегружайте его.

Дверь закрылась. О'Нэлли приоткрыл глаза.

— Почему вы были в моей комнате? Я помню, как всё оборвалось… а потом вы там.

— Мы хотели изменить распределение в общежитии, — осторожно начал Коля. — Чтобы Белла жила с Эммой. Так казалось безопаснее.

О'Нэлли нахмурился.

— А моя дочь? Вы обещали найти её.

Коля вдохнул глубже. Эмма коснулась его плеча.

— Мы ездили туда, куда вы указали. Мы нашли вашу жену. Она погибла. Но дочь была там. Мы её забрали. Сейчас она в безопасности.

О'Нэлли закрыл глаза, лицо побелело.

— Жена… Я чувствовал…

Он попробовал приподняться, но силы оставили его. Дверь распахнулась, вошли врачи.

— Хватит. Пациенту нужен покой.

Их вытеснили в коридор, но Коля успел вложить в ладонь О'Нэлли маленький свёрток и прошептать:

— Никому ни слова. Позвоните только нам.

Ирландец сжал его руку и прошептал благодарность.

Из-за поворота появился директор, руки за спиной, лицо каменное.

— Что произошло?

— Ему стало хуже, — ровно ответила Эмма. — Он только из реанимации. Это было ожидаемо.

Директор задержал на ней долгий, тяжёлый взгляд, будто пытался уловить что-то между слов. Потом кивнул.

— Понятно.

Дорога обратно прошла в гнетущем молчании. Фары выхватывали из темноты деревья и пустые остановки. Каждый остался один на один со своими мыслями: Андрей с подозрениями, Коля с рукой О'Нэлли, сжимавшей свёрток, Эмма с его шёпотом благодарности, который казался сильнее любого крика.

Глава 22. Новенькая

Вернувшись, они не разошлись по комнатам. Коля позвал Якова и Беллу на собрание.

— Все видели, — глухо начал Андрей. — И вы будете говорить, что директор чист? Слишком уж «нужные» слова он говорил. Словно заученные.

— Может, он просто хотел поддержать О'Нэлли, — осторожно вмешалась Эмма.

— Ты забыла Ингреквих? Его семью?

— Нет. Но я не буду обвинять без доказательств.

— Давайте спокойно, — поднял руку Коля. — Факт: О'Нэлли благодарил нас. Факт: он всё знает, и у него есть наш номер. Директор спросил, что было, — мы сказали «ему стало хуже». Значит, он не знает, о чём мы говорили. Пока мы в безопасности.

— Пока, — мрачно уточнил Андрей.

Белла поставила кружку на подоконник и улыбнулась.

— Хватит мрачнеть. Пока вас не было, я доделала охранную установку. Теперь если кто-то сунется в лабораторию без нас, всем придёт сообщение с кодовым словом «кактус». Одновременно захлопнутся двери и окна.

— Да ты гений, — присвистнул Андрей.

В этот момент Яков поднял глаза от блокнота.

— А у меня новости похуже. Пока вы были у О'Нэлли, я говорил с Эрриксоном. Насчёт прототипов. Он отказал. Сказал, мы «совершенно глупые подростки», и дать нам такие материалы — безумие. Может, даст через год. Или два. Когда «поумнеем».

— Через год… — медленно повторил Коля. — Значит, рассчитывать на его помощь нельзя. Всё придётся делать самим.

— Ну что ж, — Белла качнула ногой. — У нас хотя бы есть «кактус».

* * *

За завтраком на следующей неделе Андрей ткнул вилкой в тарелку Якова: чай и хлеб с сыром.

— Ты что, похудеть к зиме решил? Вот потому и не прошёл отбор. Силы, как у библиотекаря. Зато Коля у нас герой — его в основу поставили. Либеро.

— Я не завидую, — пожал плечами Яков.

— Хватит, Андрей, — вмешался Коля. — Мы команда. Яков помогает, как никто.

— Зато умею ловить твои ошибки, спортик, — сухо отозвался Яков.

Белла прыснула.

— Кстати, — Эмма прищурилась, глядя на Колю. — Обычно «спорт» и «ты» — вещи несовместимые. Откуда ты так играешь?

— Летом много играл с друзьями на пляже. Каждый день.

— Значит, вот где скрывался наш чемпион, — хлопнул его по плечу Андрей.

* * *

Вечером спортзал встретил их гулким эхом. Андрей шёл уверенно, Коля собранно, цепляя взглядом каждую линию на полу. На трибуне устроились Эмма и Белла.

Андрей подбросил мяч, резкий прыжок, хлёсткий удар. Но Коля был готов: скользнул вниз, принял мяч снизу и мягко направил вверх.

— Это что было? — прошептала Эмма.

— Приём снизу. У либеро это главное оружие, — пояснила Белла.

Андрей атаковал снова, в диагональ. Коля бросился в скольжение по полу, и опять мяч оказался у него на руках.

— У него реакция, как у кошки, — удивилась Эмма.

— А у Андрея прыжок, как у быка, — усмехнулась Белла.

В какой-то момент Андрей сделал обманный замах и послал мяч в линию. Коля, почти летя параллельно полу, поймал его на кончиках пальцев.

— Боже! Он же ударился!

— Это и есть работа либеро. Коля просто не даёт мячу упасть.

Андрей засмеялся, тяжело дыша:

— Ну ты и чёрт. Я же реально бил в пустоту.

— А я её закрыл, — спокойно ответил Коля.

Когда они сидели на полу, отдуваясь, дверь зала приоткрылась. Вошла Мирра: джинсы, светлая кофта, длинные вьющиеся светлые волосы, красные глаза. Она подошла и взяла руку Андрея своими тёплыми ладонями.

— Ты так бил, что эхо по коридору слышно было. Впечатляюще. С такими прыжками тебе бы в сборную.

— Да ну, — смутился Андрей. — Пока только тренировки.

— Ну, может, я зайду ещё посмотреть. — Она улыбнулась и неспешно пошла к выходу.

— Кажется, у нас новый фан-клуб, — заметила Белла, но в её взгляде мелькнула тень — то ли ревности, то ли настороженности.

* * *

Ночью Эмма проснулась от звука телефона. Экран мигнул: одно слово, «Кактус».

Сердце ударило сильнее. Она растолкала Беллу.

— Сработала система.

Они разбудили Колю и Андрея, подняли Якова (тот уже стоял в дверях с блокнотом: «Я всё слышал. „Кактус“. Пошли»).

Когда все собрались в комнате, Коля откашлялся.

— «Кактус» пришёл не просто так. Вопрос — что делать?

— Идти в лабораторию, — сразу сказал Андрей.

— В три часа ночи? — протянула Белла. — А усиленная охрана на выходе?

— Белла права, — поднял взгляд Яков. — Система закрыла двери и окна. Если кто-то внутри, он не выйдет. До утра ничего не потеряем.

— Может, это вообще крыса пробежала, — зевнула Эмма. — Система решила, что она нарушитель.

— Взлом века: лабораторию атакует крыса, а мы заседаем, как военный совет, — фыркнула Белла.

— Смеяться будем завтра, — сказал Коля. — Сегодня дежурим по очереди и ждём утра.

Телефоны легли на стол, и дисплей Эммы снова вспыхнул: «кактус ».

* * *

Утро встретило их хмурым небом. Не завтракая, ещё сонные, они направились к лаборатории.

— Я бы сейчас выбрал кружку кофе. Или три, — зевнул Коля.

— А я ещё час сна, — пробормотал Андрей.

Прохладный воздух лабораторного блока окатил их. У двери каждый перестал шутить: напряжение от слова «кактус» вернулось в полную силу. Первым вошёл Андрей, плечи напряжены.

И все разом остановились.

В центре лаборатории, в кресле Коли, устроилась Мирра. Спокойно, будто у себя дома, с кружкой кофе, аромат которого явно не принадлежал школьной столовой. Нога закинута на ногу, под глазами мешки от бессонной ночи, на губах улыбка.

— О, доброе утро. Вы как раз вовремя. Кофе отличный, хотите?

— Это… моё кресло, — первым выдавил Коля.

— Как ты сюда попала? — возмутилась Эмма.

— Дверь была открыта. Или нет, не помню. Интересно же, что у вас тут. Атмосфера такая заговорщицкая. Это всё Яша виноват. Интригант.

— Ночью сработала сигнализация, — шагнул вперёд Андрей. — Мы думали, тут вор.

— Ну, в каком-то смысле, — приподняла бровь Мирра. — Я же украла ваше утро.

Напряжение сменилось смесью злости и изумления. Они ждали угрозы, а нашли новенькую, попивающую кофе в сердце их тайной лаборатории.

— Пару дней назад я столкнулась с Яковом у выхода, — начала она, словно отвечая на невысказанный вопрос. — Он уронил листки, я помогала собрать и случайно увидела формулы. Слишком интересно, чтобы забыть. На следующий день решила проследить — куда вы так целеустремлённо ходите. И нашла.

— И тебе это показалось нормальным? Просто следить? — нахмурилась Эмма.

— Любопытство — тоже наука. Только честнее. — Она отставила кружку. — Кстати, когда я зашла, двери сами захлопнулись. Делать было нечего, вот и полистала эту книженцию.

Она подняла с колен потрёпанный блокнот.

— Эй! — Яков шагнул вперёд быстрее, чем кто-либо ожидал. Лицо дёрнулось. — Это не «книженция». Это мой личный дневник. Положи.

— Ух ты, какой серьёзный. Выбора особо не было. Я прочитала всё. Каждую страницу. Особенно там, где ты переходишь с формул на личные переживания. Почти трогательно. Некоторые куски так и просятся в цитатник. Особенно насчёт Бэ…

— Заткнись! — крикнул Яков, вытянувшись в струну. Голос вышел хриплым и слишком высоким.

Белла прыснула, прикрыв рот ладонью. Андрей усмехнулся, но, поймав взгляд Якова, закашлялся.

— А если по сути, — Мирра сделала последний глоток, — вы ведь и правда строите мост. Мост между мирами. Это чертовски интересно. И я хочу с вами. А то я совсем тут заскучала.

* * *

Коля тронул Эмму за локоть, и они отошли к окну.

— Она слишком быстро всё схватила, — тихо сказал он. — Сначала Яков, потом мы, теперь лаборатория. Слишком легко.

— И чересчур спокойна, — кивнула Эмма. — Как будто всё просчитала. Мне не нравится её наглость. И то, что она прочла дневник Якова, непростительно. Но… если мы оттолкнём её, потеряем контроль. Она всё равно будет копать, только уже на нас.

— Значит, либо берём её под крыло, либо она станет врагом.

Когда они вернулись, Мирра уже снова устроилась в кресле Коли.

— Вижу, вы сомневаетесь. Ладно, расскажу о себе. Зовут Мирра. Переехала сюда меньше месяца назад. Родителей нет, спрашивать бесполезно. Сама из Рио-де-Жанейро. Сплю мало, читаю много, ненавижу скуку. Умею кое-что в информатике, могу чинить железо. С математикой хуже, чем у вашего Яши, но логика есть. И ещё — я гениальный стратег и тактик. Учтите это. — Она развела руками. — Я знаю о вас достаточно, чтобы быть опасной. Но хочу быть полезной. Ваш выбор.

— Ну, звучит честно, — почесал затылок Андрей. — И если ты правда умеешь возиться с железом…

— Конечно, ты за, — закатила глаза Белла. — Стоило ей раз похвалить твою игру — и всё, мозги отключились.

— Да при чём тут это! — вспыхнул Андрей.

— Мне не нравится, что она читала дневник Якова, — холодно сказала Эмма. — Это личное.

— Я против, — тихо, но жёстко сказал Яков. — Она слишком наглая. Слишком быстро всё схватила. Это не случайность.

Коля обвёл всех взглядом.

— Слушайте. А ведь мы сами в похожей ситуации. Нам не доверяют ни Философ, ни Эрриксон. Мы пробиваемся сквозь недоверие как можем. Может, дать ей шанс? Лучше, чтобы она была с нами, а не против нас.

На секунду повисла тишина. Каждый понимал: спор только начинается, и решение придётся принимать очень скоро.

Глава 23. Звонок

Телефон лежал на столике посреди беседки, экраном вверх. Старый, кнопочный, с трещиной на корпусе. Коля положил его туда сам, и теперь шестеро молча смотрели на него.

— Он сказал, в шесть, — тихо проговорила Беллатрис. — Уже пять минут седьмого.

— Может, ему нельзя, — сказала Эмма. — Он ведь после операции. Может, врачи…

Телефон завибрировал и пополз по столику. Все вздрогнули.

Коля взял его, нажал зелёную кнопку, потом ту, что со значком динамика.

— Алло?

В трубке долго шуршало. Потом кто-то тяжело, с присвистом вдохнул.

— Коля?.. Это… — Голос был хриплый и слабый, каждое слово давалось с трудом. — Подожди. Дай отдышаться.

— О'Нэлли! — Эмма подалась вперёд. — Вы как? Вам нельзя говорить, если тяжело.

— Эмма? Ты здесь? — Он закашлялся, глухо, надрывно, и они услышали, как он морщится от боли. — Прости. Грудь ещё… Врачи говорят, ещё неделю так.

— Мы все здесь, — сказал Коля. — Шестеро. Больше никого нет.

— Хорошо. Это хорошо. — Пауза, короткий вдох. — Эмма. Мне сказали, что это ты. Что ты сделала там, на месте, ещё до врачей. Иглой, самой простой… Мне хирург потом говорил, что я бы не доехал.

— Я просто… — начала она.

— Нет. Дай мне сказать. — Голос дрогнул. — Я не знаю, как это сказать правильно. Спасибо тебе. Просто — спасибо. Я живу из-за тебя.

Эмма прикрыла рот ладонью. Глаза у неё заблестели, и она быстро отвернулась к пруду.

— Не за что, — выдавила она. — Правда. Главное, что вы живы.

— Коля, — сказал О'Нэлли. — Мне ничего не говорят. Медсестра отводит глаза, когда я спрашиваю. Врач говорит, что мне нельзя волноваться. Как можно не волноваться? — Он сглотнул. — Милица. Что с Милицей? И Елена… Вы что-нибудь знаете?

Коля почувствовал, как сжалось горло. Он посмотрел на Эмму, потом на Андрея. Андрей едва заметно кивнул.

— Милица жива, — сказал Коля. — Она в безопасности. Её нашли и увезли к дяде Лёше. Он с ней. С ней всё хорошо.

В трубке стало тихо. Потом послышался странный звук, не то всхлип, не то смех, перебитый кашлем.

— Жива, — повторил О'Нэлли. — Жива. Господи. Жива… — Он плакал, не скрывая, тихо и тяжело, и они слышали, как ему больно от каждого вздоха. — Я думал… я всё думал… Спасибо. Спасибо вам.

Беллатрис опустила голову. Яков отвернулся и сделал вид, что рассматривает крышу беседки.

— О'Нэлли, — сказал Коля. Ему было страшно продолжать. — Про Елену…

— Не надо.

— Простите. Я должен.

— Я понял, — сказал О'Нэлли после паузы. Голос стал совсем тихим. — Я уже понял. По тому, как они все молчали. Скажи.

— Её нашли. Слишком поздно. Мы не успели. Мне очень жаль.

Никто не двигался. Ветер гнал по дорожке сада рыжие листья, и они шуршали о камни.

— Ей не было больно? — спросил О'Нэлли наконец. — Тебе не говорили?

— Я не знаю, — честно сказал Коля. — Простите.

— Ничего. — Он помолчал, и в тишине было слышно, как он дышит, мелко, неровно. — Ничего. Она бы не хотела, чтобы я так… Она всегда говорила, что я слишком много думаю. А теперь вот… — Голос сорвался. — Дайте мне минуту.

Они ждали. Мирра, стоявшая у столба, не отводила глаз от телефона. Лицо у неё ничего не выражало.

— Простите, — сказал О'Нэлли. Голос стал ровнее, но слабее. — Я должен рассказать то, что знаю. Пока я могу. Спрашивайте.

— Кто вам звонил? — сразу спросил Андрей. — Тот, кто угрожал?

— Я не знаю. Это был голос. Мужской, наверное. Ровный, как железо. Без вдохов, без выражения, так не говорят люди. Я не видел человека. Звонили на мой телефон, дважды. Первый раз сказали, что если я не переселю Абибу на первый этаж, будут последствия. Я не поверил. Отказал. А потом… — Он замолчал. — Потом позвонили снова.

В трубке стало тихо. Слишком тихо. Они услышали, как О'Нэлли дышит, часто и мелко, как человек, которому не хватает воздуха.

— О'Нэлли? — позвала Эмма. — Вам плохо? Позвать сестру?

— Нет. Не надо. Сейчас пройдёт. — Он сглотнул. — Просто… он до сих пор у меня в голове. Этот голос. Я закрываю глаза, и он говорит. Спокойно так, ровно. «Вы совершили ошибку». Каждую ночь. Врач даёт мне таблетки, а он всё равно…

— Это нормально, — тихо сказала Беллатрис. — После такого. Это пройдёт.

— Не знаю. — Он нервно усмехнулся и сразу закашлялся. — И ещё это. Господи, это хуже всего.

— Что? — спросил Яков.

— Часы.

Коля почувствовал, как у него по спине прошёл холодок.

— Какие часы?

— Позади голоса. Всё время. Я тогда не обратил внимания, а теперь… — Голос у него задрожал. — Они тикают. Я лежу ночью, в палате тихо, и слышу. Тик, тик, тик. Не одни. Двое. Одни тяжёлые, глухие. Другие быстрее, суше. Они расходятся и сходятся, и снова расходятся. Я просыпаюсь, думаю, это монитор или капельница. Нет. Монитор пищит. А это тикает. В голове.

— О'Нэлли, — мягко сказала Эмма.

— Мне кажется, я схожу с ума. Я спрашивал врача, он говорит, это от стресса. Но я слышу их даже сейчас. Прямо сейчас, пока говорю с вами. Тик. Тик. Тик-тик. — Он тяжело вдохнул. — Простите. Я знаю, как это звучит.

Никто не засмеялся. Яков, который обычно находил, что сказать, молчал.

— Они не совпадают, — повторил О'Нэлли, будто себе. — Всё время не в такт. Я хочу, чтобы они совпали, и не могу.

— Двое часов, — медленно сказал Коля. — Вы уверены, что их было двое?

— Не знаю. Я уже ни в чём не уверен. Может, мне уже кажется. После всего. Но тогда, в первый раз, я точно что-то слышал. А потом оно только росло.

Коля и Эмма переглянулись. Она едва заметно кивнула.

— Мы запомним, — сказал Коля. — Это может быть важно.

— Только не думайте, что это что-то точное. Это всё, что у меня есть.

— Этого достаточно, — тихо сказала Беллатрис.

— Ещё, — сказал О'Нэлли. Он говорил теперь медленнее, с долгими паузами между фразами. — Не знаю, надо ли… Это только догадка. Когда директор был у меня в больнице в первый раз, ему позвонили. Он вышел в коридор, но дверь осталась приоткрытой. Я видел его лицо. Он побледнел. Так бледнеют не от плохих новостей. Так бледнеют, когда боятся.

— Вы думаете, ему тоже угрожали? — спросил Андрей.

— Я не знаю. Только думаю. Может, я ошибаюсь. Не обвиняйте его без причины. Но и не доверяйте слепо. Я правда не знаю.

В трубке послышались шаги и далёкий женский голос.

— Мне пора, — сказал О'Нэлли. — Сестра идёт. Если застанет, телефон заберут. Берегите друг друга. Эмма… — Он на секунду замолчал. — Ещё раз спасибо.

— Поправляйтесь, — прошептала она. — Пожалуйста.

Гудки. Короткие, ровные.

Коля положил телефон на столик. Никто не говорил. Рыжие листья всё шуршали у пруда.

— Бедный, — сказала наконец Беллатрис.

— Держался как мог, — сказал Яков. Голос у него был непривычно тихий. — Я бы не смог.

Андрей первым нарушил молчание.

— Директору тоже звонили. Если О'Нэлли не ошибся. — Он провёл рукой по волосам. — Удобно.

— Он этого не утверждал, — напомнил Коля. — Только предположил.

— Директор побледнел. Значит, что-то знает. И молчит. Всё это время молчит.

— Или сам боится.

— Ты опять за него? — Андрей шагнул к Коле. — С самого начала. Почему?

— Потому что мы ничего не знаем, Андрей! Один раз побледнел человек в коридоре, и всё, он виноват?

— А ты слышал, как директор рассказывал нам про первый этаж? Как по бумажке!

— Эй, — сказала Эмма. — Хватит. Мы только что слышали, как плачет человек, у которого умерла жена. А вы тут спорите про директора.

Андрей осёкся и отвернулся.

Мирра отошла от столба. Все обернулись. Она не сказала ни слова. Посмотрела на телефон, на Колю, на Эмму. Потом повернулась и пошла по дорожке к корпусу. Листья хрустели у неё под ногами.

— Куда она? — спросил Яков.

— Не знаю, — сказал Коля.

Эмма смотрела ей вслед. Потом перевела взгляд на него. В первый раз за этот день она, кажется, хотела что-то сказать и не знала, ему или себе.

— Ты знал, что она так будет смотреть? — спросила она тихо. — Пока мы говорили, она смотрела на нас. Не на телефон. На нас. Как будто считала.

Коля открыл рот. Закрыл. Честного ответа у него не было.

Где-то в голове, на самом краю слуха, тикали двое часов. Не в такт.

* * *

Разошлись быстро и молча. Андрей ушёл первым, не оглядываясь, засунув руки в карманы. Яков двинулся следом, на ходу что-то бросив про лабораторию. Беллатрис задержалась у выхода, посмотрела на Колю с Эммой и тихо сказала:

— Я пойду к себе. Если что — стучите.

Потом и она исчезла за поворотом дорожки.

Стало совсем тихо. Только листья шуршали у пруда, да где-то далеко кричала птица, одна и надолго.

Эмма села на скамью, туда, где только что сидела Белла. Подтянула рукава свитера до самых пальцев. На запястье звякнули браслеты из микросхем.

Коля постоял немного, потом сел рядом. Не вплотную, но и не на другом конце. Телефон остался лежать на столике. Ни один из них к нему не притронулся.

— Я его слышала, — сказала наконец Эмма.

— Кого?

— Дыхание. Когда он говорил. — Она смотрела на свои руки. — Я такое уже слышала. Тогда, на траве. Он хрипел вот так же, коротко, будто воздуха не хватает. Я думала, что больше этого не услышу. А сейчас сидела и слушала, и у меня руки… — Она развела пальцы. Они мелко дрожали. — Видишь? Тогда не дрожали. Тогда я вообще ничего не чувствовала. Только знала, куда надо идти иглой.

Коля молчал. Он не знал, что здесь можно сказать, чтобы не получилось глупо.

— После я два дня не могла есть, — продолжала Эмма. — Мне всё казалось, что я что-то сделала не так. Что игла прошла на полсантиметра в сторону. Что он умрёт просто оттого, что я ошиблась. А он живой. Говорит. Благодарит меня. — Она тихо засмеялась, и смех сразу сорвался. — А я сижу и трясусь, как дура.

— Ты не дура.

— Знаю.

— Я не это хотел…

— Знаю, Коль. — Она наконец повернула к нему голову. Глаза у неё были красные, янтарные, как у лисы на старой картинке. — Просто скажи, что ты тоже слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.